

Мелани Арндт

Чернобыль. Последствия аварии на атомном реакторе для
Федеративной Республики Германии и Германской
Демократической Республики.

Перевод – к.ф.н. Инга Левит

Доктор Мелани Арндт – руководитель интернационального проекта «Политика и общество после Чернобыля. Беларусь, Украина, Россия, Литва и Германия в сравнительной и исторической перспективе (1986-2006)». Центр современной истории. Потсдам. Финансовую поддержку проекта осуществлял фонд Volkswagen-Stiftung

Перевод – к.ф.н. Инга Левит

Эта публикация не отражает мнения Центра политического образования Земли Тюрингии. Ответственность за содержание несет автор.

Центр политического образования Тюрингии.

Regierungsstraße 73, 99084 Erfurt.

www.lzt.thueringen.de.

2012

Содержание

1. Введение	8
2. От открытия радиоактивности до использования атомной энергии	
2.1. Энергия атома как чудотворное средство: атомная эйфория в 50-х годах 20 века	9
2.2. От атомной эйфории до антиядерных протестов	13
2.3. Атом и «научно-техническая революция»	14
2.4. Экскурс: радиоактивность и ее воздействие на тело человека	17
3. Чернобыльская катастрофа – свершившийся «остаточный риск»	22
3.1. Тип энергоблока	22
3.2. Авария	23
3.3. Последствия аварии и первые реакции на происшествие	25
3.4. Информационная политика Советского Союза	29
3.5. Последствия аварии для здоровья людей	31
4. Последствия для Федеративной Республики Германия	33
4.1. Первая реакции политических кругов.	34
Реакция на федеральном уровне	34
Реакция на уровне земель и муниципалитетов	38
4.2. Принятые меры и рекомендации	41
4.3. Отношение к ядерной энергетике на политическом уровне	43
4.4. Реакция на аварию населения ФРГ	44
4.5. Протесты	47
5. Последствия аварии для Германской Демократической Республики	50
5.1. Первая реакция политиков	50
5.2. Информационная политика и средства массовой информации	56
5.3. Реакция на аварию жителей Восточной Германии	60
5.4. Оппозиция	62
Заявления, петиции, кампании и мероприятия	65
5.5. Объединение страны, отключение атомных электростанций ГДР и отказ от атомной энергетики	69
6. Общественное движение в Германии в поддержку пострадавших в Чернобыле	70

6.1.	«Дети Чернобыля»	75
7.	Реакция в Западной Европе	79
8.	Реакция в странах, входивших в состав Советского Союза	84
8.1.	Авария на реакторе как война - воспоминания о Чернобыле	87
8.2.	Чернобыльцы	89
9.	Аключение	91
	Сокращения	93
	Источники	94
	Избранная библиография	95

Введение

На территории Советского Союза в ночь на 26-е апреля 1986 года на четвертом ядерном энергоблоке Чернобыльской АЭС произошла крупнейшая авария в истории человечества. Непосредственно от взрыва погиб 31 человек. Оценка числа людей, погибших в результате аварии в последующие годы, колеблется в диапазоне от нескольких сотен до почти ста тысяч. Значительная часть Европы получила радиационное загрязнение. Повышение уровня радиации было зафиксировано даже в США и Китае. В наиболее пострадавших странах последствия аварии ощущаются по сей день как на состоянии экологии, так и на экономическом и социальном развитии.

«Чернобыль» стал многогранной метафорой, отражающей замешательство человечества. Это событие подорвало веру в технический прогресс, во власть человека над техникой и связанным с ней риском, в защищенность повседневной жизни. Сегодня Чернобыль олицетворяет собой «общество риска» (Бек), промышленные и экологические катастрофы, конец существования Советского Союза, ядерный век и радиационную угрозу, «непостижимые» (в буквальном значении слова) страдания и болезни, страх и границы возможного. По емкому выражению Ульриха Бека, Чернобыль стал «антропологическим шоком».

Лозунг «Чернобыль - везде», впервые озвученный партией Зеленых вскоре после аварии, используется в различных вариантах по сей день противниками ядерной энергии и ядерного оружия. Даже в ГДР в начале лета 1986 года оппозиция воспользовалась слоганом «Чернобыль - везде», что бы привлечь внимание общественности на опасность радиационного излучения и потребовать изменения в ядерной политике. Несмотря на то, что часть мрачных прогнозов о заболеваниях и количествах смертей не оправдалось и некоторые первые реакции были излишне эмоциональны, Чернобыль занял прочное место в сознании миллионов людей и стал одним из ключевых понятий двадцатого века. Как глубоко Чернобыль укоренился в сознании людей, показала реакция общества на аварию на японской АЭС, произошедшей в результате природной катастрофы. Ощущения неуверенности и беспомощности, вызванные аварией, на фоне уверений правительств, что подобных аварий произойти не может, напоминают о пугающих сообщениях после взрыва на Чернобыльской АЭС. Это ощущение неуверенности касается не только безопасности

ядерных объектов или масштабных катастроф в Японии, оно гораздо шире. Суть его состоит в том, что подобная цепь аварий, произошедшая в столь технически развитой и демократической стране как Япония, еще раз обнажила риски использования ядерной энергии.

Эта книга рассказывает о том, какое влияние „максимально опасная возможная авария“ („Super-GAU“¹) оказала на два немецких государства, существовавших в тот момент. Особое внимание в работе уделено политическим и социальным реакциям на последствия трагедии. Я приняла решение и вместо сравнительного анализа двух стран сосредоточила свое внимание на особенностях последствий аварии в каждой из этих двух стран, при этом, конечно, освещая и двусторонние отношения. Это объясняет невольно возникшую диспропорцию в изложении. Так например, в ФРГ существовала двусмысленная ситуация между полномочиями федеральных, земельных и местных органов власти, ни о чем подобном в централизованной ГДР не было речи, поэтому в главе, посвященной ГДР, проанализирована специфика информационной политики государства.

Для того чтобы объяснить все разнообразие реакций на аварию, книга начинается с краткого исторического экскурса: с момента открытия радиоактивности до массовых протестов против АЭС. Основная цель этого экскурса - выделить и проследить основные тенденции, необходимые для понимания реакции последовавшей на событие в Чернобыле.

Экскурс в основные понятия и последствия воздействия радиоактивности введен для того, чтобы понять политические и социальные аргументы сторон, которые базируются на естественнонаучных данных. Воздействие радиоактивности на окружающую среду и человеческое тело по сей день не достаточно прояснено. Эта оценка во многом зависит от методов измерения и исходных предпосылок. По этой причине все, приведенные в этой книге данные должны быть рассмотрены как материал для размышлений, который критически настроенный читатель может использовать для собственных выводов.

В следующих главах освещается авария на Чернобыльской АЭС, случившаяся 26 апреля 1986 года, и ее влияние на близлежащие регионы. В двух последующих главах описаны реакции на катастрофу в ФРГ и ГДР. Шестая глава посвящена рассказу о

---

¹ *Прим. переводчика.* GAU (Größter Anzunehmender Unfall) - максимально опасная возможная авария, аббревиатура закрепившаяся в современном немецком языке для обозначения чернобыльской аварии.

борьбе с последствиями аварии, особое внимание в ней уделено немецкой гражданской инициативе «Дети Чернобыля». Седьмая и восьмая главы раскрывают идею «Чернобыль - везде»: в них приведены примеры различной реакции на трагедию в странах Западной и Восточной Европы. В восьмой главе особое внимание уделено развитию стран, которые наиболее пострадали в результате аварии - Беларуси, Украине и России. В заключении все данные обобщены и классифицированы в контексте, выходящем за пределы катастрофы.

Как уже было сказано, Чернобыль стал многогранной метафорой. Чтобы избегать оценочных суждений, в этой книге я использую такие выражение как „Super-GAU“ 26 апреля 1986 года, а также синонимы «авария» или «взрыв реактора». Также я выбрала для использования термин «катастрофа», даже если в некоторых местах он может быть отвергнут как предвзятый. Учитывая далеко идущие последствия аварии и цели научного направления «Исследование катастроф», я считаю этот термин жизнеспособным.

Подготовительная работа для этой книги была проведена в рамках Международного исследовательского проекта «Политика и общество после Чернобыля». Проект координировал Центр современной истории в Потсдаме, профинансировал фонд VolkswagenStiftung. В этой обзорной работе представлены результаты как моих собственных исследований, так и исследований моих коллег в различных дисциплинах. Стремясь к максимальному удобству читателя, я ограничилась минимальным количеством сносок в тексте. Сопровождающая книгу библиография позволяет продолжить изучение этой темы.

Я благодарна всем, чья помощь позволила мне подготовить эту книгу в короткие сроки. Благодарю Гульнору Усманову, Флориану Круг и Софию Фреунд за их помощь в сборе информации, Петру Зёллер из Общества Роберта Хавеманна (Robert-Havemann-Gesellschaft²) за помощь в работе с архивными материалами оппозиционного движения ГДР. Большое спасибо Сильвии и Себастьяну Нагелям и Рут Вуннике за критические замечания и редакционное сопровождение работы. Ингу Левит благодарю за быстрый и тщательный перевод.

---

² Robert-Havemann-Gesellschaft (RHG)– общество, изучает историю оппозиционного движения в ГДР, и располагает архивом движение.

2. От открытия радиоактивности до использования атомной энергии

История атомной энергетики относительно молода. Если ее соотнести с жизнью человека, то она только достигает пенсионного возраста. Французские ученые Антуан Арни Беккерель и супруги Мари и Пьер Кюри открыли существование радиоактивного излучения в конце девятнадцатого века, в 1903 году они получили за это открытие Нобелевскую премию. Ученым в Париже, Риме и Берлине потребовалось три десятилетия, чтобы сделать это открытие пригодным для практического использования. В 1938 году химикам Отто Гану и его ассистенту Фрицу Штрассману (институт кайзера Вильгельма, в Берлине) удалось обнаружить причину радиоактивного излучения – распад атомного ядра, но объяснить свое открытие они не смогли. Теоретическое объяснение радиоактивности дали австрийско-шведский ядерный физик Лиза Мейтнер и ее племянник Отто Фриш, их работа легла в основу раннего использования атомной энергии.

Первыми практическое применение открытию нашли военные в годы Второй мировой войны. Физики многих стран, в том числе в нацистской Германии, Советском Союзе, Японии и США, пытались создать ядерное оружие, которое бы затмило собой все предшествующие военные достижения. В 1942 году итальянскому ученому Энрико Ферми, в рамках так называемого Манхэттенского проекта, возглавляемого физиком Робертом Опенгеймером, удалось провести первую управляемую цепную ядерную реакцию. Три года спустя, 16 июля 1945, в США, в месте под названием Тринити, была опробована первая атомная бомба с циничным названием «Гаджет» (безделушка). Взрыв бомбы с названием, подходящим для игрушки, был тестом, менее чем за месяц предвещающим взрывы в Хиросиме и Нагасаки. 6 августа 1945 года самолеты ВВС США сбросили первую бомбу «Малыш» на Хиросиму и 9 августа 1945 бомбу «Толстяк» на Нагасаки. По разным оценкам, эти бомбардировки унесли жизни от 90.000 до 166.000 человек. Япония капитулировала.

Бомбардировки продемонстрировали разрушительную силу ядерного оружия. Во времена Холодной войны, когда конкуренция за все более мощное и разрушительное атомное оружие набирала обороты, гонка вооружений вызывала у населения нарастающий страх и скептицизм. Мирное использование атома по-прежнему вызывало эйфорические настроения.

В 1951 году в американском штате Айдахо был запущен первый ядерный реактор, который производил электроэнергию, достаточную для работы четырех лампочек. Советский Союз быстро нагонял, и в июне 1954 года в Обнинске, к юго-западу от Москвы, был запущен в эксплуатацию первый блок реактора первой атомной электростанции АМ-1 (сокращение от «атом мирный»). Был сделан первый шаг к коммерческому производству электроэнергии на базе ядерного распада. Также реакторы были запущены в Великобритании, Франции, Бельгии, Италии и Швеции.

2.1. Энергия атома как чудотворное средство: атомная эйфория 50-ых годов прошлого века

Атомная эйфория, охватившая индустриально развитые страны в 50-е годы прошлого века, тесно связана с форсированным развитием атомных реакторов. В эйфорических иллюзиях тесно переплетались утопически-урбанистические картины и надежды на обретение всеобщего благосостояния. По прошествии шестидесяти лет стало очевидно, что эти надежды принадлежат к области фантастики и могут быть использованы в научно-фантастических романах.

С момента открытия восхищение радиоактивностью получило широкое распространение в интеллектуальных кругах. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки нанесли ему лишь краткосрочный ущерб. Широко пропагандируемое в то время разделение между мирным и военным использованием атома снова оживило в обществе атомную эйфорию. Мирное использование атомной энергии стало одной из «интегрирующих идеологий» 50-х годов. Сама по себе прикладная тема производства электроэнергии вряд ли могла лечь в основу мифа о «ядерном веке». Это была утопическая метафора, которая разжигала эйфорические настроения, она была подходящим средством, чтобы ослабить ужас воспоминаний об атомных бомбардировках и устремить взор на тот момент еще позитивное, в буквальном смысле «лучшее» будущее.

Большинству фанатичных приверженцев ядерной энергии ее использование только как источника электроэнергии виделось лишь временной фазой. Ученые, политики и писатели грезил о применении ионизирующего излучения в биологии, медицине,

сельском хозяйстве или даже туризме. Возможности ядерной физики казались практически безграничными: от революции в химической промышленности, через создание радиационной химии, через опреснение морской воды и орошения пустынь до освоения арктических территорий. Ожидалось, что малые ядерные реакторы, производящие фактически бесплатную и неисчерпаемую энергию, будут приводить в движение не только корабли и подводные лодки, но и самолеты, поезда, автомобили и кондиционеры. Сколь бы нереалистичными и почти сюрреалистическими эти идеи сегодня ни казались, они не были плодом абсолютных фантазий. Также речь не шла о поверхностных, подпитываемых лишь прессой и не имевших дальнейшего развития феноменах.³ В то время, когда широкие слои населения, помня картины разрушения в Хиросиме и Нагасаки, оставались скептически настроенными, в образованных кругах атомная энергетика находила поддержку. Кроме представителей естественнонаучных дисциплин, сторонниками атома были философы, например, Эрнст Блох, и политики – Франц Йозеф Штраус. Э. Блох в своей книге «Принцип надежды» грезит о Ривьере в Гренландии и зеленеющей Сахаре. Менее мечтательно, но тоже оптимистично взирал на будущее атома первый «атомный министр» (Федеральный министр по вопросам атомной энергетике) Франц-Йозеф Штраус, связывая с ним научный и экономический перелом к лучшему.

Одновременно с восторженными раздавались и первые критические, как минимум предостерегающие, голоса. Физик-ядерщик Вальтер Герлах видел в ядерной энергии просто новый способ получения тепловой энергии и дистанцировался от утопических сфер ее применения. Исследовательские программы по созданию атомных кораблей и самолетов пожирала огромные средства. В итоге в ФРГ был построен лишь один атомоход «Отто Ган» - торговое и исследовательское судно.

Ядерная энергетика смогла стать символом новой эры прежде всего потому, что она предлагала мощнейший побудительный стимул для культуры. Целый поток журналистских и литературных трудов посвящались этой теме. Подход к популярной культуре «атом» нашел через многочисленные музыкальные произведения от стиля кантри до поп-музыки, в которых воспевали „Atomic Power“⁴.

---

³ См., Joachim Radkau, *Aufstieg und Krise der deutschen Atomwirtschaft 1945-1975, Verdrängte Alternativen in der Kerntechnik und der Ursprung der nuklearen Kontroverse*, Hamburg 1983, S. 87.

⁴ См., exemplarisch die Kompilation „Atomic Platters. Cold War Music“.

Даже в Советском Союзе, после смерти Иосифа Сталина и под руководством Никиты Хрущева, нашлось место ядерной эйфории. В идеологическом симбиозе с марксистским мировоззрением, в котором человек властвует над природой, технологические утопии и гигантомания стали характерными чертами строительства коммунизма. Ядерный энтузиазм Хрущева был явлением того же ряда, что и план электрификации Ленина и строительство гигантских каналов Сталина. Безграничный оптимизм партийных лидеров, видевших в науке и технике универсальное средство для решения экономических и социальных проблем, ретушировал реальные опасности. Атомные электростанции получили статус храмов науки и воплощения достижений социализма. И на Востоке, и на Западе прилагались усилия, чтобы создать у населения образ безопасной, чистой и полезной ядерной энергии. В отличие от Запада, на Востоке большая часть населения приняла уверения в безопасности, поскольку идеологически независимых мнений экспертов не высказывалось, да и повлиять на политические процессы возможности не было.⁵

Всемирному распространению ядерной эйфории способствовала Организация Объединенных Наций (ООН), созвав в Женеве в 1955 году Международную конференцию по мирному использованию атомной энергии. Не без скрытых политических мотивов еще в декабре 1953 года один из главных инициаторов Женевской конференции, президент США Дуайт Эйзенхауэр, в своей речи «Атом для мира» перед Генеральной Ассамблеей ООН выразил приверженность мирному использованию атома. На пике Холодной войны президент рисовал образ свободного от страха мирного будущего на фоне всеобщего здоровья и благополучия. История атома, уже на тот момент полная страданий срочно нуждалась в позитивном образе, а растущий страх общества перед убийственными последствиями ядерного распада - в коррекции, для чего были ловко использованы переименования. Такие выражения как «прогресс медицины» и «чистый, дешевый источник энергии», казалось, были специально созданы для этого.

Политическая реальность 50-х годов была отмечена атмосферой страха. Набирающая обороты гонка вооружений между ядерными державами, тестирование бомб все большей разрушительной силы привели в 1956 году к повороту в восприятии атомной

---

⁵ См., Klaus Gestwa, *Ökologischer Notstand und sozialer Protest. Ein umwelthistorischer Blick auf die Reformunfähigkeit und den Zerfall der Sowjetunion*, in: *Archiv für Sozialgeschichte*, 43 (2003), S. 349–383; Paul R. Josephson, *Red Atom. Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*, Pittsburgh 2000.

энергии до этого момента пассивно сдержанного населения ФРГ. Изменения были столь сильны, что Министерство атомной энергетики сообщало о фиксируемых «то там то, здесь» случаях «психоза - страха радиации».⁶ Этот страх был обращен и против мирного использования атома и проникал в повседневные разговоры. Особенно сильное впечатление произвели отчеты о разрушительных последствиях ядерных испытаний США на атолле Бикини. Японские рыбаки, не знавшие о проводимых испытаниях, стали жертвами радиоактивных осадков после взрыва бомбы «Браво» в феврале 1954 года. Они получили острую лучевую болезнь, а весь улов тунца был уничтожен из-за высокого уровня радиоактивности. Вместе с сообщением об этой трагедии в немецкие гостиные пришел страх перед ядерным ударом в ходе «горячей» войны. Согласно опросу общественного мнения в 1959 году, лишь незначительная часть немецкого населения (8 процентов) высказалась за неограниченное применение ядерной энергии. 17 процентов высказали опасения, что развитие мирного атома однажды приведет к атомной войне. Опросы показали, что женщины испытывают больше опасений, чем мужчины, то же показали опросы 1959 и 1979 годов.⁷

50-ые годы характеризовались одновременным сосуществованием необузданной атомной эйфории и общественным признанием опасности ядерного оружия. Также нарастали озабоченность и страх перед тем, какой вред может причинить ионизированное излучение здоровью человека. Дебаты, которые могли начаться после взрывов в Хиросиме и Нагасаки, начались только через десять лет. Опасения приняли первые институционализованные формы на интернациональной конференции в Пагуоше (Новая Шотландия, Канада) (Pugwash Conferences on Science and World Affairs), направленной против ядерных испытаний, и в Геттингенском Манифесте ядерных физиков Германии. В 1957 Манифест, предупреждающий о «жизнеуничтожающем эффекте» использования атомной энергии в военных целях, подписали физики Отто Хан и Вернер Гейзенберг, принимавшие непосредственное участие в исследованиях, легших в основу создания ядерного оружия. В Манифесте писали, что эта всеразрушающая сила «не знает естественных границ», поэтому мирное население не может быть защищено от поражения. Они высказывали сомнения, что

---

⁶ См., Radkau, Aufstieg und Krise, S. 98.

⁷ См., Radkau, Aufstieg und Krise, S. 98, S. 435.

мир на базе «взаимного страха» может продлиться долго, и требовали освободить ФРГ от ядерного оружия.⁸

2.2. От атомной эйфории до антиядерных протестов

Еще в 1968 году для большинства населения ФРГ слово «атом» прежде всего ассоциировалось с бомбой, в течение 70-ых годов тема атомной энергии обретает более широкое содержание, которое распространяется и на атомные электростанции, ядерная тема занимает центральное место в экологических дебатах. Антиядерное движение, одно из крупнейших движений протеста в истории ФРГ, началось в 60-х годах и прошло четыре фазы развития.⁹ Ранняя фаза началась со строительства первого экспериментального реактора (в Карлсруэ, Юлих) в 1957 и продолжалась до конца 60-х годов. Эти протесты носили локальный характер, представители городских или местных советов направляли их в официальное русло. При этом основной критике подвергалась не собственно угроза радиоактивного заражения, а общие изменения в ландшафте и влияние на местную экономику в результате строительства АЭС. Начиная с протестов против АЭС в Вюргассене (название части г. Беверунген в земле Северная Рейн-Вестфалия), движение вышло на надрегиональный уровень и сконцентрировалось непосредственно на ядерной энергии. Это выступление еще проходило в рамках правовых методов. Только в 1975 году, начиная с выступлений в г. Виль (земля Баден-Вюртемберг), антиядерные протесты превратились в массовое движение. Виль стал символом антиядерного движения. Сначала, как и везде, протестовали против отчуждения и разрушения аграрных ландшафтов «Рура в Оберхайме» и падения качества вин (Kaiserstuhl-Weine), традиционно изготавливаемых в этом регионе, от дыма из труб АЭС, и лишь позже обратились к той угрозе, которую несет радиоактивность.

Протест в Виле впервые свел вместе две эффективные силы, приведя к альянсу левых политиков и науки, особенно ученых из университета Фрайбурга. Не менее важным был новый феномен «ядерного туризма». Противники атомной энергии со всей Западной Германии съезжались в Виль, чтобы там подключиться к акциям протеста. Возникшие новые союзы позволили движению выйти на общегерманский уровень и

---

⁸ См., Das Göttinger Manifest der 18 Atomwissenschaftler vom 12. April 1957, Online: http://www.hdg.de/lemo/html/dokumente/JahreDesAufbausInOstUndWest_erklaerungGoettingerErklaerung/index.html, 22.2.2011.

⁹ Я следую периодизации Йоахима Радкау. Joachim Radkau, Aufstieg und Krise, S. 440ff.

выстроить новую линию аргументации против использования ядерной энергии. Таким образом, движение подходило ближе и ближе к проблеме аварий, т.е. к тому, о чем давно предупреждали эксперты, но что легкомысленно оставалось вне поля зрения.

Фаза эскалации, с 1976 по 1977 годы, была отмечена насилием. В фазе эскалации проблема контроля над ядерной энергией стала основной социально-политической темой. Планы создать «парк ядерных отходов» в Горлебене привлекли внимание протестующих к проблеме ядерных отходов, которую до этого практически не замечали. Все большее количество публикаций и высказываний подпитывали страхи общества. Менее чем за месяц до взрыва реактора в Чернобыле, на пасхальные выходные 30/31 марта 1986 года, в баварском Вакерсдорфе антиядерное движение достигло своей кульминации - на улицы вышло более чем 100.000 протестующих. Завод по переработке отработанных топливных стержней никогда не был запущен в эксплуатацию.

2.3. Атом и «научно-техническая революция»

Формирование экологического движения в ГДР имело другую временную динамику. «Атомная эйфория» началось там позже и длилась дольше, чем в ФРГ, как на социальном, так и на научном уровнях. Во многом это было определено идеологическим постулатом о «научно-технической революции», которая рассматривалась как один из базисов для преобразования общества. Этот постулат наделял научное знание и его носителей, научно-техническую интеллигенцию, особым статусом. Ученые пользовались признанием и имели высокую репутацию в обществе. Проблемы окружающей среды, несмотря на их все нарастающую очевидность, в ГДР были табуизированы.

Развитие антиядерного движения, схожего с движением ФРГ, было просто немислимым как по причине распространенного в обществе доверия к технике, так и из-за отсутствия общественных дебатов по вопросам использования ядерной энергии. Открытые дебаты по этому вопросу были не возможны в ГДР хотя бы потому, что, по мнению руководства страны, приходили в противоречие с постулатом о социалистическом развитии. Данные о состоянии окружающей среды в ГДР были закрытой информацией, к которой имел доступ лишь узкий круг избранных.

Беспрепятственное осуществление ядерной программы было столь важным для руководства ГДР еще и потому, что ядерный сектор ГДР развивался в тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Сотрудничество началось со строго секретной добычи урана в ГДР. В начале 20-го века в Рудных горах на границе Саксонии и Богемии (ныне Чехии) были обнаружены месторождения радиоактивных руд. Практически сразу после Второй мировой войны было создано советско-германское акционерное общество Висмут (Wismut), которое стало третьим по величине мировым производителем урана. С 1947 по 1990 годы компания поставляла сырье для советской атомной промышленности. После воссоединения Германии Советский Союз вышел из Висмута, оставив ФРГ «блестящее» наследство: бесчисленные отвалы породы и ямы со сточными водами, проводимое восстановление этих земель является грандиозным проектом, не имеющим аналогов в мире.

В ГДР работали две атомные электростанции и три исследовательских реактора. Первая атомная электростанция в Райнсберге, земля Бранденбург, вошла в строй в 1966 году. Между 1973 и 1979 годами последовали четыре блока атомной электростанции на севере Лубмина, рядом с Грайфсвальдом. Существовали планы увеличить АЭС возле Грайфсвальда еще на четыре реактора, но к моменту закрытия станции в октябре 1990 года были готовы только два, и только один реактор был введен в эксплуатацию. Третью атомную электростанцию планировали построить в Стендале в округе Магдебург. Станция была задумана как крупнейшая АЭС не только на Востоке, но и во всей Германии. Хотя строительство началось в 1981 году, не был закончен даже первый блок. Все исследовательские реакторы находились в Центральном институте ядерных исследований в Дрезден-Россендорф.

Теснейшую интеграцию ядерных комплексов ГДР с СССР демонстрировал тот факт, что для обеих восточногерманских АЭС реакторы и технологическое оснащение поставили из Советского Союза. Уран также поставлял СССР. В ГДР уран был, но не было установок для его обогащения. Круг ядерной зависимости от СССР замыкался отправкой большей части радиоактивных отходов обратно в Союз. Лишь небольшая часть отходов была захоронена в местечке Морслебен на территории земли Саксония-Анхальт, на выработанном руднике, где раньше добывали калийную и каменную соль.

С конца 70-х годов ситуация в социалистической части Германии уже не была столь безоблачной, как казалось со стороны. С начала 80-х годов в интеллектуальных кругах

оппозиции обсуждается опасность использования ядерной энергии. Так, химик и диссидент Роберт Хавеманн в книге «Завтра», изданной в 1980 году в ФРГ и переправленной контрабандным путем в ГДР, писал о проблеме безопасности ядерных отходов и призывал к отказу от использования ядерной энергии. В том же году ветеринар Берндт Зайте, выступая на Генеральной ассамблее Лютеранской церкви, призвал церковь противостоять и мирному использованию ядерной энергии. Вскоре после этого богослов и инженер Герхард Лёттель из Магдебурга пытался инициировать публичные дебаты, обратившись с письмом в газету „Volksstimme“. Редакция письмо не опубликовала, но вступила в переписку с автором. Позже часть этой переписки была опубликована в самиздатском журнале Церковного исследовательского общества Виттенберга.

Существовавшее с 20-х годов Протестантское исследовательское сообщество Виттенберга начало интенсивно заниматься экологическими проблемами в 70-х годах 20 века. С середины 70-х годов, под руководством Ханса-Петера Гензихена, Сообщество становится информационно-документационным центром возникающего в ГДР экологического движения. Этот центр вдохнул жизнь в маленькие группы энтузиастов и объединил локальные инициативы, которые до этого существовали бок о бок абсолютно хаотично. Вопросы использования атомной энергии в Протестантском исследовательском сообществе начали обсуждаться с начала 80-х годов. Другие центры экологического движения начали возникать в ГДР только после аварии на Чернобыльской АЭС и основания Берлинской Экологической библиотеки.¹⁰

Помимо двух названных центров, под эгидой Евангелической Церкви существовали от 60 до 65 различных экологических групп более чем в пятидесяти местах ГДР. В работе этих групп в период с 1985 по 1989 годы в общей сложности приняли участие от 550 до 850 граждан Восточной Германии.¹¹ Участие в этих группах всегда было сопряжено с риском оказаться под наблюдением государственных органов, в частности, Министерства государственной безопасности (Штази). Практическая деятельность по защите окружающей среды, например, очистка леса, не вызывала проблем, все что

---

¹⁰ Прим. переводчика. Берлинская Экологическая библиотека (нем. Berliner Umweltbibliothek) была создана по инициативе евангелической общины Ционскирхе, расположенной в центре Берлина.

¹¹ См., Hermann Behrens, Umweltbewegung, in: Institut für Umweltgeschichte und Regionalentwicklung e.V. (Hrsg.), Umweltschutz in der DDR. Analysen und Zeitzeugenberichte – Band 3: Beruflicher, ehrenamtlicher und freiwilliger Umweltschutz, München 2007, S. 131–148, hier S. 138.

выходило за эти границы, было в зоне интересов Штази. При этом особой роли не играло, в сколь близких контактах находились экологи с единомышленниками в ФРГ и насколько разделяли их убеждения. Репрессивные меры, такие как административное и тюремное заключение, создание сложностей в получении образования, имевшие целью препятствовать инициативам, как правило, успеха не имели.

Существовали экологические группы и под протекторатом государства. До 1980 года защитой окружающей среды и национальной культуры (Heimatspflege) занималась ассоциация Друзей природы и родной культуры, существовавшая в рамках Культурного Союза.¹² В 1980 году эти функции переняло Общество охраны природы и экологии, так же в рамках Культурного Союза. Кроме того, действовали несколько сообществ по интересам, например, Рабочая группа защиты окружающей среды и городской экологии. С 1971 года, за пятнадцать лет до катастрофы в Чернобыле и до создания Министерства охраны окружающей среды в ФРГ, в ГДР существовало Министерство защиты окружающей среды и водного хозяйства.

2.4. Экскурс: радиоактивность и ее влияние на тело человека

В этом параграфе мы поговорим об основных понятиях, единицах измерения и определениях, касающихся радиации. Это делается во избежание недопонимания и путаницы, которые постоянно возникают при разговоре о радиоактивном излучении. При этом мы будем придерживаться цифр официальной информации, которая, впрочем, решительно оспаривается независимыми экспертами. Поэтому все нижесказанное - прежде всего, информация для размышления и освещения существующих тенденций.

Радиоактивное или ионизирующее излучение возникает при спонтанном, естественно или искусственно индуцированном распаде атомных ядер. Оно измеряется в беккерелях (Бк) или устаревших единицах кюри (Ки). Один беккерель соответствует распаду одного атомного ядра за 1 секунду. $2,7027 \times 10^{-11}$ Кюри равны 1 Бк. Энергия, которая выделяется при распаде, изменяет атомную структуру других веществ. Она вытесняет электроны, т.е. отрицательно заряженные частицы, оставляя после себя

---

¹² *Прим. Переводчика.* Культурный союз (нем. Kulturbund der DDR) — массовая организация в ГДР. Цель организации - обеспечить участие граждан «в демократическом и антифашистском развитии культуры».

положительно заряженные атомы или молекулы, называемые ионами. Отсюда название - ионизирующее излучение.

Тело человека само по себе является радиоактивным, также оно всегда и везде подвергается воздействию излучений. Лучевая нагрузка - совокупность радиоактивного излучения, получаемого организмом, складывается из излучений, имеющих как естественные, так и искусственные или «техногенные» источники. Естественные излучения имеют или космическую природу (Солнце, излучение космического пространства), или наземную (излучение от рассеянных в земной коре и внешней среде природных радионуклидов). Помимо этого, естественные радиоактивные вещества попадают в организм человека с пищей и табачным дымом. Наибольшая часть техногенного воздействия радиации приходится на долю медицинских обследований, таких как рентген или компьютерная томография. Вносят свою лепту в искусственные излучения и последствия тестирования ядерного оружия во времена Холодной войны, Чернобыль, аварии на других реакторах и излучения от работающих АЭС.

Количество излучения, оказавшего воздействие на тело человека, оценивается в поглощенных дозах и исчисляется в миллизивертах (мЗв) и зивертах (Зв).¹³ Простой пересчет радиоактивности в дозы не представляется возможным, так как он зависит от типа воздействия, например, скорости выведения радиоактивных веществ из организма, вида и силы излучения. Различают дозы для всего тела и дозы для отдельных органов. «Эффективная доза» используется как мера риска возникновения отдаленных последствий облучения всего тела, отдельных органов и тканей человека с учетом их радиочувствительности. Особенно чувствительны к радиации половые железы (яичники и тестикулы), красный костный мозг, легкие, желудок и кишечник. «Эффективная доза» имеет решающее значение в определении радиационной безопасности и радиационных повреждений.

Не существует нижнего порога дозы, при котором излучение безвредно. При вероятностных расчетах размеров дозы исходят из опасности радиоактивности. Излучение по-разному влияет на каждого конкретного человека, и даже очень низкие дозы могут нанести вред здоровью, в том числе в отдаленном от момента облучения

---

¹³ В старых публикациях на английском и русском языках использовали устаревшую единицу измерения «рентген» (в английском: Rem - *roentgen equivalent in Man*). 100 рентген равны 1 зиверт.

времени. Радиация вызывает моментальные изменения в атомных структурах живых тканей, образуя новые химические соединения. Эти новые соединения могут быть опасны для тела, например, они парализуют работу энзимов, что приводит к нарушениям в структуре клетки, вплоть до ее гибели. Также излучение может быть причиной изменений в структуре ДНК и, в конечном итоге, причиной онкологических заболеваний. Здоровые клетки способны залечивать полученные повреждения, но высокие дозы радиации приводят к повреждению чувствительных тканей. Очень высокие дозы радиации смертельны для человека

Несмотря на то, что существуют теории, согласно которым определенные дозы излучения действуют на человеческое тело позитивно, все без исключения схемы защиты исходят из вредного воздействия радиации. Различают острое лучевое поражение (болезнь) и отдаленные последствия облучения. Острое лучевое поражение возникает сразу или в течение нескольких недель, как правило, для этого необходимо получить пороговую дозу - 200-300 мЗв за короткий промежуток времени, то есть в течение одного - двух часов. Получение этой дозы приводит к изменению картины крови. Чем выше доза, тем тяжелее повреждения, лучевая болезнь начинается с тошноты и рвоты, затем следует воспаление слизистых оболочек, затем лихорадка и, возможно, смерть. Доза 1000 мЗв может быть токсичной, а доза 7000 мЗв - смертельной.

В Германии в 2009 году годовое облучение от природных и техногенных источников составило в среднем 3,9 мЗв.¹⁴ Эта доза - совокупность целого ряда, порой очень сильно изменяющихся компонентов. В первую очередь, она основывается на вдыхании (более одного мЗв от эквивалентной дозы) естественного радиоактивного газа радона-222 и продуктов его распада (прежде всего, полоний, висмут и свинец). Радон присутствует в различных концентрациях во всех породах и почвах мира. Он может относительно легко покидать почву и проникать в строительные материалы и накапливаться в жилых помещениях. Повышенное содержание радона наблюдается в сельских и горных районах, например, в Рудных горах (граница Германии и Чехии), в восточной Баварии, на альпийских предгорьях, в Шварцвальде или Эйфеле.

---

¹⁴ См., Umweltbundesamt, Strahlenexposition der Bevölkerung durch natürliche und künstliche Quellen, Online: <http://www.umweltbundesamt-daten-zur-umwelt.de/umweltdaten/public/theme.do?nodeIdent=2459>, 18.2.2011.

В Германии на космическое излучение отводится в общей сложности 0,3 миллизивертов от общей дозы, на долю наземных радионуклидов из почвы, горных пород и строительных материалов приходится 0,4 мЗв. Вместе с пищей человек получает 0,3 мЗв от годовой эффективной дозы.

Помимо естественной радиации, в общую дозу облучения вносят свой вклад и техногенные источники. Самая большая доза приходится на радиоактивные вещества и излучения, применяемые в медицине, в 2009 году она составляла около 1,8 мЗв. Атомные электростанции, последствия добычи урана, Чернобыля и испытаний атомных бомб, в совокупности, как правило, дают менее 0,01 мЗв, большая часть этой дозы приходится на последствия аварии на Чернобыльской АЭС.

Радиоактивность пищи также выражается в беккерелях. Естественная радиоактивность составляет в среднем около 40 беккерелей на килограмм. Для сравнения: в Германии в литре молока и детского питания разрешено 370 Бк цезия-137, а также 600 Бк цезия-137 как предельное содержание на литр или килограмм других продуктов питания. По мнению независимых экспертов, установленные значения слишком высоки, и они требуют вернуться к Положению о радиационном контроле 1976 года, согласно которому разрешенная доза в пище взрослого человека составляла от 30 до 50 беккерелей на килограмм, а для детского питания 10-20 Бк на килограмм.¹⁵ Часть экспертов ратует за еще более низкие нормы, такие как 5 Бк для детского питания. Причина того, что нормы оговорены только для цезия-137 и не коснулись йода-131, как это было сразу после Чернобыльской аварии, в том, что срок распада радиоактивного йода всего восемь дней, а период полураспада цезий-137 более 30 лет, в течение которых он может вызывать повреждение тканей. Полураспад – это время, за которое количество радиоактивного вещества сокращается вдвое.

Хотя прямой пересчет радиоактивности в дозу облучения не возможен, можно установить соотношение между полученными с пищей радионуклидами и дозой облучения. Например, потребление пищи содержащей 1000 Бк цезия-137, приводит к дозе излучения в 0,014 мЗв.¹⁶

В конце 90-х годов на баварских рынках было зафиксировано много случаев ложного декларирования импорта грибов лисичек. Грибы продавались с поддельными

---

¹⁵ См., Strahlenschutzverordnung vom 13.10.1976

¹⁶ Ср., Sicherheitsinformationszentrum des Österreichischen Zivilschutzverbandes, Messen von Radioaktivität und Strahlung, Online: <http://www.siz.cc/bund/sicherheit/show/41>, 18.2.2011.

сертификатами безопасности. Измерительные приборы фиксировали дозы до 12 тысяч Бк Цезий-137, что превышает предельные значения в двадцать раз. В грибах и ягодах, выросших в баварских лесах, и в подстреленной там дичи содержание радионуклидов по-прежнему высоко. Хотя эти показатели значительно ниже зафиксированных в первые три года после чернобыльской аварии: тогда на килограмм моховиков, этих накопителей цезия, приходилось более 3000 Бк. За период между 2000 - 2004 годами Институт окружающей среды в Мюнхене сообщает, что содержание радионуклидов во взятых образцах моховиков составило 2330 Бк. Потребление 500 г. таких грибов соответствует дозе облучения, получаемой при рентгене легких. (0,02 до 0,05 мЗв).¹⁷ В ряде земель Германии были заключены соглашения с Охотничьими ассоциациями о предотвращении распространения радиоактивно загрязненной дичи. Охотникам рекомендовалось проверять подстреленную дичь на радиоактивное загрязнение. Если оно превышало допустимые пределы, выплачивалась компенсация. На охотников, не входящих в ассоциации, и грибников эти правила не распространялись.

---

¹⁷ См., Umweltinstitut München, Pilze und Wild, Online:
<http://umweltinstitut.org/radioaktivitat/allgemeines/pilz-info-476.html>, 24.1.2011.

3. Чернобыльская катастрофа - свершившийся «остаточный риск»

Чернобыльская атомная электростанция имени Владимира Ильича Ленина расположена на севере Украины, в семи километрах от белорусско-украинской границы и в 110 километрах от Киева. Закрытая в декабре 2000 года АЭС расположена не возле города Чернобыль, как можно было бы заключить из названия. Имеющий более чем 800-летнюю историю город Чорнобиль (так пишется название по-украински) расположен на реке Припять, он находится в восемнадцати километрах от АЭС. Гораздо ближе к станции находится названный по реке и окружающим ее болотам город Припять, построенный в 1970 году специально для работников АЭС и их семей как модель социалистического города.

3.1. Тип реактора

АЭС имеет четыре реактора серии РБМК-100 016, каждый из которых производил 1000 МВт энергии. Они были построены между 1970 и 1983 годами, первый энергоблок был запущен в эксплуатацию в 1977 году. Четвертый, разрушенный энергоблок, был сдан в эксплуатацию всего за три года до катастрофы. В отличие от большинства реакторов в Западной Европе, РБМК - канальный ядерный реактор графито-водного типа, это означает, что графитовые стержни замедляют образующиеся при каждом распаде урана нейтроны. Замедлением нейтронов достигается цепная реакция, необходимая для постоянного получения энергии. Чем меньше графитовых стержней находится между топливными элементами, тем выше производительность реактора. Тепло, полученное при ядерном распаде, заставляет воду кипеть, образующийся пар приводит в движение диски турбин электростанции. Реакторы типа РБМК были построены только в Советском Союзе. Десять реакторов из серии РБМК действуют по сей день, исключительно на территории России.

После аварии на 4 энергоблоке АЭС работа на двух других реакторах продолжалась. В 1988 году из-за высокой радиационной опасности восстановительные работы были вынуждены прервать. Советский Союз планировал продолжить строительство, об этом свидетельствует тот факт, что незавершенные реакторы были обеспечены защитой от атмосферных воздействий. Развалины защитных построек можно увидеть по сей день.

3.2. Авария

Точные обстоятельства взрыва четвертого реактора в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года до сих пор не выяснены. Причины катастрофы окутаны более или менее разумными мифами и трудно обоснуемыми теориями заговора, которые до сих пор находят поддержку: от локального землетрясения, через взрыв магнитного поля, до саботажа. Достоверная информация об аварии и ее последствиях обречена оставаться неполной: поскольку даже через двадцать пять лет после аварии не известны все подробности сложнейшего комплекса всех технических, физических, биологических, медицинских и психологических последствий. Часть данных по-прежнему остается неточной или противоречивой.

Точным и вряд ли оспоримым является факт, что взрыв произошел 26 апреля 1986 года в 1:23 часов по Московскому времени в ходе запланированного эксперимента с целью повышения безопасности реактора при аварийном отключении энергопитания.¹⁸ Планировалось выяснить, достаточно ли в этом случае будет остаточной энергии для работы водяных насосов. Аварийные генераторы, которые должны были перенимать энергообеспечение, работали от дизельных двигателей, им было необходимо около сорока секунд, чтобы обеспечить энергопитание в чрезвычайной ситуации. Согласно действующим «Правилам безопасности по эксплуатации реактора», это испытание должно было состояться до ввода реактора в рабочее состояние. Испытание было проведено в условиях цейтнота, оно началось 25 апреля, затем было прервано, поскольку Киев нуждался в большей мощности электроэнергии. Как о первичной причине аварии сегодня, в дополнение к человеческому фактору, говорят о многочисленных недостатках в техническом проекте. Особенно катастрофической была конструкция графитовых стержней. Когда графитовые стержни, поднятые для повышения мощности, снова возвращаются в реактор для того, чтобы ее понизить, вначале это вызывает противоположную реакцию. Мощность не понижается, а внезапно очень быстро возрастает. Если в реактор снова опускается одновременно слишком много стержней, как это, очевидно, и произошло при аварии, мощность возрастает настолько экстремально, что происходит взрыв.

---

¹⁸ Эта и нижеследующая информация большей частью основываются на данных с интернет портала www.chernobyl.info.

В подобной чрезвычайной ситуации в 1983 году уже побывали сотрудники литовской Игналинской АЭС. Однако тогда было принято решение не разглашать информацию, и сотрудники других АЭС и инженеры в Чернобыле ничего о ней не знали.

Во время проведения проверки автоматические системы безопасности, которые могли бы предотвратить опасность в случае чрезвычайной ситуации, были отключены, как того требовали условия проводимого теста. Реактор должен был работать на 25 процентов мощности. В тот день мощность реактора, по не полностью выясненным обстоятельствам, упала ниже этой отметки, менее одного процента мощности. Потребовалось повысить мощность, это было сделано недостаточно медленно и мощность вместе с температурой резко выросли. Это вызвало серию непредвиденных реакций, которые было уже невозможно контролировать. В конечном итоге это привело к взрыву, который разрушил активную зону реактора и вырвал весящую более 1000 тонн крышу конструкции. Уран и горящие куски графита были выброшены взрывом за пределы 71-метровой башни реактора. Температура более чем 2000 градусов вызвала расплавление топлива и воспламенение графитовой оболочки. Опасная аэрозоль, состоящая главным образом из летучих радионуклидов йода-131 и цезия-137, которые могли быть унесены на тысячи километров, прежде чем их смоет дождь. Эти вещества стали главным компонентом так называемого «радиоактивного облака». Радиоактивные субстанции, которые так быстро не испаряются, разлетелись как частицы пыли и осели в основном районе реактора. Двое сотрудников АЭС погибли при взрыве, третий человек - несколько часов спустя.

Взрыв стал причиной сильнейшего радиоактивного загрязнения большей части Белоруссии, Украины и России. Воздушными потоками радиоактивные частицы были отнесены в Европу и далеко за ее пределы. В первые дни после аварии из-за погодных условий свободные радионуклиды распространились по территориям Польши, Скандинавии, стран Балтии, Швейцарии, Северной Франции, южной Англии и юга Германии.

70 процентов от всех радиоактивных осадков выпало на территорию Белоруссии. Однако по сей день в восприятии последствий аварии обществом и научным сообществом Белоруссия находится в тени Украины, «родины» взорвавшегося реактора. 23 процента территории Беларуси загрязнены цезием-137 более одного кюри на квадратный километр. Наиболее загрязненные районы расположены на севере Украины, на юге и востоке Беларуси и приграничном районе между Белоруссией и

западной Россией. Предполагается, что территории, загрязненные Цезием-137 более чем на один кюри, составляют от 125.000 до 146.000 квадратных километров. Это, примерно, общая площадь Баварии, Баден-Вюртемберга и Тюрингии.

Согласно сообщением официальных источников из трех пострадавших стран, люди, живущие в районах с загрязнением от одного до пяти Кюри (или 37-185 гигабеккерелей) на квадратный километр, получают менее чем 1,0 мЗв дополнительного облучения в год. Хотя, даже по официальным данным, только загрязнение почвы в размере пяти кюри на квадратный километр увеличивает ожидаемую годовую дозу облучения от одного до пяти мЗв. Для сравнения: в Европейском Союзе и США 1 миллизиверт в год считается пороговым допустимым уровнем промышленных излучений в дополнение к естественному облучению.

3.3. Последствия аварии и первые реакции на происшествие

Первые попытки потушить пожар в активной зоне реактора не увенчались успехом. Сначала пожарные в течение десяти часов заливали реактор водой. Пожарные, участвующие в тушении реактора, подвергались наибольшим дозам радиационного воздействия. Более ста человек в течение нескольких часов получили дозы от 0,7 до 13 Зв., то есть в 13.000 раз выше допустимой по меркам Европейского Союза годовой дозы в 1 мЗв. Из 237 человек, первыми начавшими борьбу с последствиями аварии, 134 заболели острой лучевой болезнью. 28 из них умерло еще в 1986 году, еще 19 человек скончались до 2004.¹⁹ Большинство пострадавших было переправлено в специализированную больницу №6 в Москве. С начала мая 1986 в этой больнице вместе с другими врачами с пострадавшими работал американский специалист по проблемам костного мозга доктор Роберт Гейл. Несмотря на то что Советский Союз отказался от помощи США, доктору Гейлу позволили въехать в страну и помочь тяжелобольным людям. Хотя даже трансплантация костного мозга не смогла спасти большинство этих людей.

После того как попытки затушить пожар водой оказались безуспешными, до 5 мая более тридцати военных вертолетов сбросили на реактор 2.400 тонн свинца, песка и

---

¹⁹ Эти цифры приводятся в независимом отчете TORCH (*Прим. перевод.*, это аббревиатура от „The Other Report on Chernobyl“ - отчет о медико-санитарных последствиях Чернобыльской катастрофы. Исследование было заказано представителем партии Зеленых в Европарламенте) и докладе ООН, опубликованном в 2000 году: Ian Fairlie / David Summer, The Other Report on Chernobyl (TORCH), 2006; United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), Chernobyl. A Continuing Catastrophe, New York/Geneva 2000.

других веществ, чтобы затушить огонь и экранировать излучение. Это тоже не удалось. Пожар продолжался под всеми сброшенными материалами. Только после охлаждения активной зоны реактора азотом удалось добиться желаемого. После этого над взорвавшимся реактором началось строительство «саркофага» – оболочки из бетона, укрывающего руины энергоблока. С мая по ноябрь 1986 года команда ликвидаторов, состоящая частично из добровольцев, частично из призванных на военную службу, возвела «пионерные» стены укрытия, на которые ушло 7.000 тонн стали и 410.000 кубометров бетона. По приблизительным оценкам, «саркофаг» закрыл около 180 тонн радиоактивных веществ: пыли и лавы из расплавленного реактора. «Саркофаг» планировался как временная защита примерно на 20 - 30 лет. Уже через несколько лет под воздействием атмосферных явлений на нем начались коррозионные процессы, появились первые трещины в бетонной оболочке. Между тем, в загерметизированном здании может находиться до трех миллионов литров радиоактивной воды, которая угрожает загрязнением грунтовыми водами. В настоящее время с привлечением иностранной финансовой помощи ведутся работы на стальных конструкциях, которые должны заменить пористый бетон.²⁰

На момент катастрофы на территориях, загрязненных радиацией, проживали около семи миллионов человек, из них - около трех миллионов детей. 200.000 и 350.000 человек были переселены или покинули зараженные территории по собственной инициативе. По сей день на загрязненных территориях живет более пяти миллионов человек, в том числе более одного миллиона детей. В непосредственной близости от реактора в момент аварии жили около 130.000 человек. Только в Припяти было почти 50 тысяч жителей, средний возраст которых, согласно советским источникам, составлял 26 лет. В Чернобыле в 1986 году было около 14.000 жителей. Сегодня Припять - город-призрак. Фото покинутого города, запечатлевшее обветшалый парк аттракционов с колесом обозрения, которое не дождалось своего запуска 1 мая 1986 года, незабываемо для многих людей. Сегодня в Чернобыле живет еще около 400 человек, которые либо занимаются восстановлением или ремонтом защитных систем реактора или вернулись обратно в город. Кроме этих двух городов, в непосредственной близости от АЭС были расположены 76 населенных пунктов и деревень.

---

²⁰ См., Jochen Aulbach, Der Sarkophag. Schrotthülle oder Millionengrab?, in: OSTEUROPA 56 (2006) 4, S. 131–138, hier S. 131f.

Жители Припяти были эвакуированы первыми, но даже они не сразу были информированы об аварии. Как и во всех других поселениях в непосредственной близости от АЭС, 26 апреля 1986 дети играли на улице, жители гуляли по улицам и паркам города. Сотрудники милиции в защитных костюмах на улицах Припяти утверждали, что проходят учения. Только через 36 часов после катастрофы, с 14 часов 27 апреля, началась эвакуация населения города автобусами и поездами. До этого момента жители города были в полном неведении о значительном увеличении радиационного фона.

С машин, оснащенных громкоговорителями, начали передавать информацию об аварии и призывать население «своевременно» покинуть город. С собой можно было взять только самое необходимое. То, что жители никогда не вернутся в Припять, понять из инструкции по эвакуации было нельзя. Чтобы избежать паники и поскольку реальные последствия аварии были еще не ясны, жителям обещали, что через три дня они вернутся в свои квартиры. Взять с собой домашних животных запретили. Первая волна эвакуации была проведена только в радиусе десяти километров вокруг реактора. 4 мая 1986 года - в радиусе до 30 километров. Позже были эвакуированы и жители населенных пунктов за пределами этой зоны. Основанием для эвакуации было загрязнение почвы цезием-137 на квадратный километр, если этот показатель был выше пяти Кюри, жителей эвакуировали. На Украине жители эвакуировались, начиная с загрязнения в 15 Кюри, в России и Беларуси - от 40 Кюри.

Перед эвакуацией тысячи людей приняли участие в обязательной Первомайской демонстрации. Об угрожающей им опасности они ничего не знали. Позже участники этой демонстрации сообщали, что люди испытывали тошноту и головокружение, головную боль, на коже появилась сыпь. Объяснить эти явления они не могли. Люди обращались в больницы за помощью. Мужчинам с целью очищения организма предлагали пить водку.

Из многих зараженных мест, откуда население не было эвакуировано, дети были вывезены в санатории и пионерские лагеря в чистые регионы. И в этой ситуации власти ограничились краткими инструкциями и частичной информацией. В то время как родителям сказали, что дети уезжают на неделю или две, они пробыли в разлуке с родителями не менее двух месяцев, а то и дольше. Родители даже не знали, где живут их дети. Для детей и родителей этот опыт часто был болезненным.

Только приблизительно через месяц после катастрофы начали официально распространять препараты йода. Они должны были предотвратить накопление радиоактивного йода в щитовидной железе. С медицинской точки зрения, эта деятельность уже не имела смысла, поскольку большая часть радиоактивного йода была выброшена в атмосферу в первые дни после аварии, тогда эти меры были необходимы.

До 1989 года в различных работах на реакторе приняли участие от 600.000 до 800.000 человек. В основном это были мужчины, но принимали участие и женщины, работая вблизи разрушенного реактора водителями, врачами и медсестрами, также выполняли административные функции, работали переводчицами и уборщицами. Кроме того, в 30-ти километровой зоне отчуждения ликвидаторы вырыли около 800 ям для захоронения грузовых автомашин и различного оборудования излучающих радиацию, а также радиоактивной земли, снятой во время дезактивации. Сегодня эти свалки угрожают загрязнить питьевую воду.

По данным правительственных источников пострадавших стран, 25.000 ликвидаторов уже умерли. Информации о числе ликвидаторов, получивших дозы облучения, нанесших вред здоровью, сильно различаются. Союз ликвидаторов и различные независимые исследования говорят о значительно большем числе умерших. В опубликованном в 2005 году докладе Чернобыльского форума под эгидой Международного агентства по атомной энергии сообщается о значительно меньшем количестве смертей, связанных с последствиями воздействия радиации.²¹ Разногласия в данных возникают из-за различных базовых установок в оценке опасности радиоактивного излучения и использования ядерной энергии в целом, и из-за различных методов исследований. Например, при подготовке данных на Чернобыльском форуме исходят из предположения, что доза в 500 мЗв не смертельна. Однако, если этот подход применить к последствиям атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, число погибших должно быть пересмотрено. Кроме того, еще сложнее обстоит дело с имеющейся статистикой советского периода, поскольку очень трудно выявить точную информацию из базы данных. В хаосе первых дней, чтобы

---

²¹ Составители доклада исходят из того, что только 50 спасателей погибли непосредственно из-за воздействия излучения, и повышают число тех, кто погибнет в будущем до 2.200. Настоящий доклад основан на предположении, что в 1986 -1987 годы высоким дозам излучения подверглись около 200.000 человек, за основу взят регистр ликвидаторов. Тот факт, что список не полный, во внимание не принимается. IAEA / WHO / UNDP, Chernobyl: True Scale of the Accident, September 2005.

преуменьшить масштабы катастрофы, фиксировались отчасти неточные или даже ложные данные о количестве ликвидаторов и полученных ими дозах облучения. Сегодня исходят из того, что около половины ликвидаторов, особенно солдаты-призывники, не были учтены в регистрах. Они возвращались домой, не зная о полученной дозе или об опасности радиоактивного поражения. Сколько из них впоследствии заболели и связаны ли эти заболевания с полученным облучением, сегодня уже сказать невозможно. Также предполагается, что многие из призывников, участвовавших в работах на реакторе, скрывали это, чтобы не быть стигматизированными как «зараженные».²²

3.4. Информационная политика Советского Союза

В первые годы после катастрофы целями информационной политики СССР были: поддержка политической стабильности внутри страны, ее престижа за рубежом, предотвращение паники и устранение угрозы для продолжения советской ядерной программы. Роль столь высоко оцениваемого главного политика Перестройки – Михаила Горбачева, с которым связывали столько надежд на Востоке и на Западе, в вопросе регулирования последствий катастрофы до сих пор не прояснена в деталях. На утверждения защиты, что Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии сразу после катастрофы был в неведении относительно ее масштабов, поскольку даже сначала эксперты не могли оценить всей опасности, сегодня уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Но абсолютно ясно, что ответственные лица недобросовестно поздно сообщили об аварии как собственному населению, так и соседним странам и мировому сообществу в целом. Предупреждения и призывы о помощи выдающихся советских ученых - в том числе белорусов и украинцев, - направленные по инстанциям вскоре после катастрофы, были проигнорированы либо отклонены как паникерство. Кроме того, передаваемая информация сильно варьировалась. Наиболее полная информация сообщалась в Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), его представители имели возможность ознакомиться с ситуацией на месте. В целом распространяемая информация не всегда соответствовала действительности, например, искажались данные о якобы своевременном распространении препаратов йода.

---

²² См., Sebastian Pflugbeil, Alle Folgen liquidiert? Die gesundheitlichen Auswirkungen von Tschernobyl, in: OSTEUROPA 56 (1996) 4, S. 81–103.

Через два дня после аварии, 28 апреля, приборы АЭС Форсмаркт в Швеции зафиксировали повышенный уровень радиоактивности в окружающей среде и на рабочей одежде сотрудников. Первым предположением шведских энергетиков была мысль о неполадках на собственной станции. Энергетики последовательно исключили возможные причины инцидента у себя и в других Скандинавских странах - Норвегии и Дании – затем, оценив ситуацию с погодой, перенесли вероятность источника радиации в Советский Союз и подняли тревогу. В тот же вечер ведущая программы «Время», главной информационной передачи страны, в первый раз озвучила короткое сообщение об аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Советское информационное агентство ТАСС, несколькими часами ранее, распространило столь же краткое сообщение.

Более чем через две недели, 14 мая 1986 года, М. Горбачев впервые выступил с речью перед телекамерами. Находясь в очевидно подавленном настроении, лидер страны коснулся трех тем. Во-первых, он сообщил, что авария на Чернобыльской АЭС – «беда», которая затронула не только советский народ, но и вызвала озабоченность мировой общественности. М. Горбачев сказал: «Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля».²³ Далее он вновь подчеркнул уникальность аварии, но при этом выказал уверенность, что ситуация находится под контролем и делается все возможное для оказания помощи населению. Подлинные масштабы катастрофы озвучены не были. Тем не менее, в речи было сказано об уникальности и тяжести аварии, также были показательны сами интонации доклада. Полная информация об аварии, ее последствиях и мерах по защите населения остались не озвученными. Вместо этого, Генеральный Секретарь подчеркнул, что «худшее уже позади», хотя работы еще далеки от завершения, а зараженные земли нуждаются в восстановлении, чтобы снова стать абсолютно безопасными для здоровья и нормальной жизни людей.

Во второй части своего выступления М. Горбачев резко критиковал «аморальную кампанию» против СССР, начатую после аварии в некоторых странах Запада, особенно в США и Федеративной Республике Германии. Он обвинил правительства и СМИ этих стран в распространении бессовестной и злопыхательской лжи, с целью отвлечь внимание от собственных конкретных проблем и от инициатив Советского Союза в

---

²³ Цит. по «Выступление М. С. Горбачева по советскому телевидению», газета «Правда» 15 мая 1986 года.

ядерном разоружении. О том что эта «кампания» могла быть свернута хотя бы частично, если бы советские власти вовремя предоставили информацию об аварии, Горбачев не говорит. Третью часть своего выступления Генеральный Секретарь посвятил призывам к более широкому международному сотрудничеству в вопросах мирного атома и ядерного разоружения.

Лишь в конце 80-х общество стало получать больше информации о взрыве на реакторе. В 1989 году советская пресса опубликовала первые карты радиационной обстановки, которые сделали очевидными территориальные масштабы катастрофы. Девяностые годы были отмечены регулярным поступлением данных с места аварии и информационной шумихой. Детали аварии и ее разрушительные последствия вышли на свет, были проведены независимые измерения, и эксперты начали полемику о последствиях аварии.

3.5. Последствия аварии для здоровья людей

Во всех заболеваниях, возникших вследствие острой лучевой болезни, очень трудно проследить прямую связь между полученным излучением и последовавшими проблемами со здоровьем. Абсолютно бесспорными стали три смерти сотрудников АЭС, погибших во время аварии, 28 человек погибли в 1986 году в результате острой лучевой болезни.

Особенно сложно оценить долгосрочные медицинские последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Сегодня с уверенностью можем сказать, что в наиболее пострадавших регионах после аварии регистрируют значительно большее число онкологических заболеваний, чем до нее. Самым очевидным и наиболее четко совпадающим со взрывом реактора стал рост онкологических и других заболеваний щитовидной железы, особенно у людей, кто на момент аварии не достиг 18 лет. Также сильно выросло число целого ряда других заболеваний: органов дыхания, глаз, заболевания крови, сердца и желудочно-кишечного тракта, диабета, иммунодефицитов («Чернобыль СПИД»), различные формы дистонии (неврологически индуцированные двигательные расстройства) и энцефалопатии (собираемый термин для обозначения различных патологических изменений в мозге). Однако установить прямую связь с полученным облучением зачастую проблематично, поскольку потенциальной причиной болезни могли быть многие другие факторы. Кроме того, организм каждого человека индивидуально реагирует на радиацию. Прогнозы экспертов о количестве смертей от

онкологических заболеваний вследствие полученного излучения варьировались в зависимости от различных предпосылок и методов исследования от нескольких сотен до сотен тысяч.²⁴ Эти расхождения в информации, постоянное введение все новых и новых цифр и исходных данных были питательной средой для чувств неуверенности и беспокойства и даже паники. Помимо этого, в последние годы изменилась оценка психологических последствий катастрофы. Первоначально оцениваемые большинством экспертов и правительств как истерические «радиофобии», сейчас они воспринимаются более серьезно.

Кроме многочисленных подводных камней, существующих при изучении радиоактивности и оценке ее потенциального воздействия на людей, также очень сильно варьируется радиоактивное загрязнение окружающей среды, что еще больше затрудняет оценку рисков. Радиоактивная загрязненность может очень сильно различаться в пределах одной местности. По сообщению Министерства по чрезвычайным ситуациям Белоруссии, в поселке Колывань в южной части страны, загрязнение колеблется от 4,6 до 65 Кюри на квадратный километр.²⁵ Президент Беларуси Александр Лукашенко не перестает подчеркивать, что жизнь в пострадавших регионах протекает «нормально», что вряд ли может соответствовать действительности.²⁶ Со времени аварии в Белоруссии не только не решился вопрос обеспечения безопасности людей по средствам эвакуации или переселения, но и не изменились отношение к окружающей среде, пищевые привычки и культурные практики.

---

²⁴ См., Astrid Sahm, Transformation im Schatten von Tschernobyl. Umwelt und Energiepolitik im gesellschaftlichen Wandel von Belarus und Ukraine, Münster 1999, S. 188f.; Sebastian Pflugbeil, Alle Folgen liquidiert?; Fairlie / Summer, TORCH; IAEA / WHO /UNDP, Chernobyl

²⁵ Министерство по чрезвычайным ситуациям республики Беларусь, Департамент по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, загрязнение цезием-137, 1.1.2003 http://www.chernobyl.gov.by/index.php?option=com_content&task=view&id=138&Itemid=77, 15.2.2010

²⁶ Речь президента Лукашенко на 20-ой годовщине Чернобыльской аварии в Брагинском регионе <<http://www.president.gov.by/press28676.print.html>>, 18.2.2009; сравнить Melanie Arndt, Von der Todeszone zum Strahlen-Mekka? Die Erinnerung an die Katastrophe von Tschernobyl in Belarus, der Ukraine und Russland, in: Zeitgeschichte-online, April 2006, Online: http://www.zeitgeschichte-online.de/zol/portal/_rainbow/documents/pdf/arndt_tschernobyl.pdf.

4. Последствия аварии для Федеративной Республики Германии

После того как на территории Скандинавии было зафиксировано повышение радиоактивности, в ФРГ начали распространяться слухи об аварии неизвестного масштаба на территории Советского Союза. Несмотря на отсутствие какой-либо информации, очень быстро начались спекуляции о тысячах погибших. Несмотря на слухи, Федеральное министерство образования и научных исследований (Bundesministerium für Bildung und Forschung) быстро дало отбой тревоге.

Сообщалось, что скорость и направление ветра защитят территорию Германии от возможного радиоактивного загрязнения. Однако направления ветров изменилось: ветры с севера и северо-востока принесли на восток и юго-восток Германии радиоактивные частицы. В конце апреля 1986 года радиоактивное облако достигло Баварии и там пролилось дождем. 1 мая 1986 года содержание радиоактивных элементов на юге Баварии достигло предельных величин. Средняя наземная концентрация радиоактивных элементов в мае 1986 года для цезия-137 и цезий-134 составляла 20.300 Бк на квадратный метр, что примерно в шесть раз выше средней наземной радиоактивности. Максимальные величины составили 173.000 Бк на квадратный метр.²⁷ Для сравнения: зафиксированные максимальные величины соответствовали 0,00000468 кюри на квадратный метр. При пересчете на квадратный километр мы получаем такие же величины, что регистрировались в Восточной Европе. Такое повышение наземной радиоактивности, даже если она была зарегистрирована только местами, представляло несомненную опасность, на которую надо было реагировать. К этой ситуации в ФРГ были не готовы.

В целом, можно сказать, что и политики и администрация довольно быстро отреагировали на катастрофу. Сразу после первых сообщений из Швеции частота замеров радиоактивности была увеличена.

С 30 апреля новостями об аварии были заполнены передовицы всех газет. В первую очередь в них сообщали о просьбах помощи со стороны Советского Союза и об особенностях советского реактора. Только несколько газет предположили, что некоторое количество радиации достигнет и Германии. На тот момент конкретных

---

²⁷ Сравн., Институт Экологии Мюнхен он-лайн:
<http://umweltinstitut.org/fragen-/radioaktivitat/radioaktivitat-35.html> 20.2.2011.

данных было слишком мало. Информация из Советского Союза поступала крайне скудно, и было совершенно не ясно, как долго еще реактор будет излучать и с какими именно видами излучения придется столкнуться. К тому же, с самого начала добавлялись ошибки в измерениях, причинами были как существование большого количества радиоактивных веществ, требующих различных измерительных приборов, так и использование целого ареала единиц измерений, половина из которых уже устарела (кюри, рентген) и нуждалась в пересчете в новые единицы (беккерель и зиверт). Знаний, чтобы все эти данные соотнести, не хватало не только у населения, но и у многих политиков и самих экспертов.

Последующие дни и недели были охарактеризованы хаосом сообщений об опасности и ее отмене, лавиной информации и дезинформации. Экспертные заключения – выдержанные и успокаивающие, панические и предостерегающие, - опровергая друг друга, шли потоком. Кто-то давал советы о защите от радиации, кто-то высмеивал истерические настроения.

4.1. Первая реакция политических кругов

Реакция на федеральном уровне

Сразу после сообщений о повышении радиационного фона в Скандинавии, 28 апреля, министр Внутренних дел Фридрих Циммерман, в сферу компетенций которого входило курирование атомной политики, организовал проведение контрольных замеров. Заключение основанной в 1974 году Комиссии по радиологической защите (далее Комиссия), имеют определяющее значение для решений правительства, проведенные её сотрудниками измерения выявили повышение радиоактивного фона в Западном Берлине и баварском Брансвике. Несмотря на эти данные, в следующие дни Циммерман сообщил, что поскольку Чернобыль расположен далеко, опасность ФРГ не угрожает. Очевидно, что целью этого заявления было успокоить население, расстояние до разрушенного реактора оценили в 2.000 километров, что справедливо только для городов, расположенных на самом западе Федеративной Республики. Это было отражением пробелов в знаниях о жизни страны и народа за Железным Занавесом. Говорили об «аварии реактора в русском Чернобыле», а также о том, что атомная электростанция расположена в непосредственной близости от столицы Украины Киева или что в Припяти живет более двух миллионов человек.

Одновременно с первыми за мерами радиации Циммерманн устроил проверку безопасности атомных электростанций Западной Германии. Проводила проверку Комиссия по радиологической защите. Еще до того, как Комиссия в июне 1986 года предоставила свой отчет, федеральное правительство снова и снова заверяло население в том, что западногерманские атомные электростанции принципиально отличаются от восточноевропейских и являются самыми безопасными в мире, и катастрофа, подобная происшедшей на советской Украине, в Федеративной Республике просто немыслима. Чтобы поддержать этот тезис, министр внутренних дел делал весьма рискованные заявления: «На наш реактор может свалиться грузовой самолет - и ничего не случится».²⁸ Поддержку своих убеждений Циммерманн нашел в рядах сторонников ядерной энергии. Так, инженер и пресс-секретарь исследовательского реактора в городе Юлих (земля Северный Рейн — Вестфалия) утверждал, что западногерманские атомные электростанции — это «роллс-ройс» в мире АЭС.²⁹ Комиссия по радиологической защите пришла к выводу, что нет необходимости в дополнительных мерах по обеспечению безопасности АЭС в ФРГ. То, что это заключение было сделано всего через месяц после аварии на атомной электростанции THTR³⁰-300 в городе Хамм, (земля Северный Рейн-Вестфалия), во время которой произошел выброс радиоактивных веществ, заставило задуматься не только противников ядерной энергетики.

После того как федеральное правительство снова заверило общество в безопасности немецких АЭС, по рекомендации Комиссии были приняты первые превентивные меры: контроль и ограничение импорта свежих продуктов из Восточной Европы, за исключением ГДР. В прессе появились фотографии сотрудников пограничного контроля, иногда даже в защитных костюмах, моющих грузовые и легковые автомобили или проверяющих их на возможную радиоактивность счетчиками Гейгера. Эти фотографии приходили в резкое противоречие с уверениями правительства в безопасности. 4 мая по рекомендации Комиссии были введены дополнительные ограничения для листовых овощей и других свежих продуктов питания (100 Бк цезия - 137 на килограмм).

---

²⁸ См., FNP, 5.5.1986, S.1.

²⁹ См., FNP, 30.4.1986, S. 10.

³⁰ *Прим. переводчика.* Сокращение THTR от немецкого „Thorium-Hoch-Temperatur-Reaktor“ - «высокотемпературный ториевый реактор».

На заседании Бундестага 4 мая партия Зеленых и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) критиковали правительство за халатное отношение к информационной политике. Особенно они отмечали недостаток опубликованных данных замеров и, по их мнению, излишнюю убежденность в безопасности немецких атомных электростанций. СДПГ требовала введения моратория и постепенного отказа от ядерной энергетики, Зеленые требовали немедленного отказа от ее использования. Массовые демонстрации антиядерного движения подогрели дебаты, проходившие в Гамбурге, Берлине, Штутгарте, Мюнхене и Ганновере, а также в местечке Ваккерсдорф (земля Бавария), где планировалось построить предприятие по переработке ядерного топлива и где во время акций протеста в 1986 году погибли два участника Антиядерного движения. Демонстранты разделяли позицию Зеленых и громко потребовали немедленного отказа от использования ядерной энергии.

В телевизионном обращении 7 мая Циммерман признал, что он не располагает точной информацией о происшедшем, но подтвердил, что ситуация находится под контролем, а федеральное правительство принимает меры предосторожности. Эта его речь, как и предыдущие, была ярким примером высказываний правительства по поводу катастрофы: опасность для здоровья населения Германии исключалась, а все принимаемые меры объяснялись целями профилактики. Давая оценку деятельности федерального правительства, его консультационных комитетов и особенно Комиссии по радиологической защите, надо признать, что они оказались в чрезвычайно трудной и непредвиденной ситуации. В Положении о радиационном контроле от 1976 года не предусматривался порядок действий в случае аварии на приграничных территориях или за пределами Западной Германии. Положение регулировало нормальную работу АЭС и просто не касалось подобных ситуаций, т.е. правительство не имело разработанного и четкого руководства к действию. Однако, несмотря на то, что катастрофы, сравнимой с Чернобыльской, прежде не происходило, существовали исследования о воздействии радиации после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 или после инцидента на североамериканском Гаррисберге в 1979 году. В чрезвычайной ситуации этих, столь нужных данных, не оказалось под рукой. Правительство не остановило царивший информационный хаос, распространив в СМИ компетентные и надежные сведения. Одновременно с этим Федеральное правительство было затоплено потоком полезных и реалистичных данных из различных лабораторий, располагающих более или менее пригодными в этой ситуации измерительными приборами. Комиссия по радиационному контролю вынуждена была давать рекомендации правительству,

которые бы позволили принимать своевременные и выверенные решения, основываясь на скудной и порой крайне противоречивой информации о возможном влиянии радиоактивных излучений.

Это объясняет, почему с наиболее важным для населения заявлением о потенциальном риске радиоактивных осадков для здоровья человека и особенно о потенциальной опасности для беременных женщин, Комиссия выступила только через четырнадцать дней после извещения об аварии. Представители Комиссии утверждали, что ни для здоровья населения в целом, ни для еще не рожденных младенцев, в частности, риска нет. Это же они утверждали и через год после того, как были опубликованы результаты исследования Института генетики человека Свободного университета Берлина, согласно которым число рождений детей с синдромом Дауна явно возросло.

Как реакция на некомпетентность и информационный хаос первых недель после аварии, 6 июня 1986 года было основано Федеральное министерство экологии, охраны природы и безопасности ядерных реакторов Германии. Одной из задач министерства является борьба с последствиями катастрофы на реакторе на территории страны. Министерству были переданы многочисленные полномочия, прежде расплывшиеся среди других ведомств, Министерства внутренних дел, Министерства сельского хозяйства, Министерства по делам семьи и Министерства здравоохранения. Федеральное правительство начало деятельность, которая во многих странах уже была завершена. Хотя идея централизации экологических проблем в одно Министерство обсуждалась, начиная с конца 70-х годов, она была реализована только после Чернобыля. Первый министр по охране окружающей среды был политик от Христианско-демократического союза Германии (ХДС) Вальтер Валльманн.

В декабре 1986 года Бундестаг принял Закон о радиационной безопасности, который расширил Положение о радиационном контроле от 1976 г. с учетом возможных ядерных аварий как внутри, так и за пределами Федеративной Республики.³¹ Этот закон разграничивает федеральные полномочия и полномочия земель и предусматривает ответственность за сбор и распространение данных. Также он предписывает, что установление предельных нормативов радиоактивного загрязнения - отныне задача Министерства охраны окружающей среды. С сентября 1987 министерство совместно с

---

³¹ См., Gesetz zum vorsorgenden Schutz der Bevölkerung gegen Strahlenbelastung. (Закон о предупреждающих мерах защиты населения от радиационного излучения) (Strahlenschutzvorsorgegesetz – StrVG), 19.12.1986, in: Bundesgesetzblatt I S. 2610.

организацией «Комплексные измерения и информационная система для мониторинга радиоактивности окружающей среды» собирают и анализируют данные по радиоактивному загрязнению на всей территории страны.

Реакция на уровне земель и муниципалитетов

Власти земель и муниципалитетов оказались под двойным давлением. С одной стороны, они должны были оперативно реагировать на растущие волнения населения, с другой, они обладали еще меньшей информацией и были менее компетентны, чем федеральное правительство, на чьи предписания они полагались.

Кроме этого, у них не было опыта управления ситуацией в случае подобных катастроф. В первые недели не удавалось скоординировать деятельность или хотя бы наладить обмен достоверной информацией ни между федеральным и земельными правительствами, ни между государственными организациями и независимыми исследовательскими центрами. Поэтому имели место взаимные обвинения и перекидывание ответственности друг на друга. Значительные разногласия между федеральной и земельными властями были по вопросам степени радиоактивного загрязнения и необходимых действий. Руководство земель, как правило, настаивало на локальных разграничениях и четко оговоренных правах для действий в данной ситуации. В конце концов, было решено, что исполнять или не исполнять различные рекомендации и меры, поступавшие со стороны федеральных властей, будут решать на уровне земель и местных муниципалитетов. Особенно трудно было муниципальным образованиям, заваленным запросами от населения, на которые они не могли дать удовлетворительных ответов. Председатель городского совета города Дюссельдорфа Герд Хёгенер (СДПГ) 14 июня метко охарактеризовал ситуацию: «Обморок местных властей продолжается». Он говорил, что нет смысла создавать впечатление, что местные власти могут контролировать все возможные риски и требовал собственных измерительных приборов. Хёгенер охарактеризовал зависимость страны от решений федерального и земельных правительств как препятствие в устранении последствий Чернобыльской аварии.³²

В этой ситуации особое значение получили существование партии Зеленых, министра охраны окружающей среды Гессена, принадлежащего этой партии, а также

---

³² См., Erklärung des Oberstadtdirektors: Die Ohnmacht dauert weiter an. Nach Tschernobyl: Neue Vorkehrungen für die Zukunft beraten, in: Düsseldorfer Amtsblatt, 41 (1986) 24, S. 3.

независимые институты по проблемам экологии, а именно Институт прикладной экологии во Фрайбурге и Институт энергетики и экологических исследований в Гейдельберге. На тот момент широко распространенное среди населения Движение в защиту окружающей среды и Антиядерное движение уже перестали быть внешним явлением для политической среды и пустили в ней глубокие корни. Столь же большое значение для восприятия всего происходящего обществом и политиками имели средства массовой информации. Поскольку они очень быстро реагировали на заявления из противоречивых источников, то становились в том числе и причиной дезинформации. СМИ были средствами связи между политическими и социальными силами. Пресса и радио непрерывным потоком снабжали граждан новой, все более сложно проверяемой информацией, что способствовало нарастанию беспокойства у населения. В то же время это отражало плюрализм мнений и тяжесть случившейся катастрофы.

Дитер Лихт, помощник бургомистра из Дюссельдорфа, ответственный за координацию городских мероприятий, 31 мая 1986 года в ответ на запрос Зеленых в городской парламент Дюссельдорфа объявил, что положение органов коммунального самоуправления после катастрофы является сложным.³³ Обращение было инициировано находящимися в замешательстве и крайне взволнованными гражданами, которые сразу после первых сообщений об аварии начали обращаться в различные инстанции за разъяснениями и информацией. Это вынуждало муниципальные власти реагировать на ситуацию быстрее, чем это делали на федеральном и земельном уровнях. В первые дни, когда еще отсутствовала детальная информация и данные замеров, сведения, предоставляемые населению, вынужденно носили общий характер. В самом городе приборов для измерения просто не было. Ни федеральные, ни земельные власти были не в состоянии оперативно распространять надлежащую информацию и директивы. По словам Дитера Лихта, дававшего рекомендации по предупреждению последствий облучения, они ориентировались на самые высокие стандарты безопасности, позже этот же подход был предложен федеральными органами. В суе чрезвычайной ситуации запросы муниципалитетов в земельные правительства часто оставались без ответа. Проблемы координации действий возрастали и были основными в той ситуации.

---

³³ См., „Konsequenzen für künftige Unglücke. Zivilschutzamt erarbeitet Dokumentation nach Atom-Unfall / Beigeordneter Licht nahm Stellung“, in: Düsseldorf Amtsblatt, 41 (1986) 22, S. 3.

Еще одной проблемой были заявления в прессе земельных правительств, до того как эта информация была доведена до сведения муниципалитетов. Это, в свою очередь, приводило к хаосу и противоречиям на обоих уровнях управления, что влекло за собой рост замешательства среди населения. Например, представитель управления земли Северный Рейн-Вестфалия сообщил через СМИ, что информация о каждом замере излучения будет распространяться местными органами гражданской обороны. Сотрудники отделения гражданской обороны узнали об этом из звонков граждан, которые начали поступать сразу после сообщения по радио. Только через два часа после радиопередачи руководство земли поставило в известность муниципальные органы об этом сообщении. Эта ситуация неразберихи длилась первые две недели после аварии. Власти на местах просто не могли ответить на поступающие после радиопередач запросы об актуальных данных измерений и дать рекомендации, поскольку просто не располагали необходимой информацией. Все это нагнетало нервозность. Неспособность правительства справиться с ситуацией стала для граждан очевидна.³⁴ Самым вопиющим противоречием между данными федеральных, земельных и местных властей стали цифры предельного содержания радиоактивного йода в поступающем в продажу свежем молоке. В то время как федеральное правительство допускало не более 500 беккерелей на литр, в некоторых землях были установлены собственные, гораздо более строгие нормы. Правительство Западного Берлина и земли Шлезвиг-Гольштейн назвало приемлемым только 50 беккерелей на литр. В земле Гессен этот предел снизили до 20 беккерелей. В Баварии, где были зафиксированы самые высокие значения излучения, не были введены дополнительные меры и придерживались рекомендаций Комиссии по радиационной защите. Самостоятельную деятельность округов, независимо от федерального или земельного правительств, иллюстрирует пример города Констанца в земле Баден-Вюртемберг. Руководство Констанца запретило своим молокозаводам продавать молоко с содержанием радиоактивных изотопов более чем 100 беккерелей на литр, что приходило в противоречие с 500 Бк, допускаемых федеральным правительством. Как именно отдельные земли и муниципалитеты реагировали на рекомендации Комиссии по радиологической защите, во многом зависело от того, насколько тесно в этих землях взаимодействовали с научно-исследовательскими учреждениями. Но особенно сильно на принятие решений влиял баланс политических сил в конкретном городе или земле. Большинство земель, управляемых ХДС, придерживалось рекомендации Комиссии.

---

³⁴ См., Düsseldorf Amtsblatt, 41. Jg., Nr.22, 31.5.1986, S. 3.

Противоречивые рекомендации и инструкции увеличивали замешательство среди граждан, вместе с неуверенностью росло и количество антиядерных протестов. 8 мая федеральное правительство дает указание придерживаться во всех землях рекомендаций Комиссии по радиационной защите. К этому они добавляют, что населению Западной Германии должно просто «совершенно нормально» жить и питаться. Одновременно с этим из-за различий в установленных нормах содержания радиоактивных изотопов началась дискуссия о достоверности данных измерений. Прежде всего, чиновники в Штутгарте и Бонне выразили серьезные сомнения в результатах независимых измерений на Юго-Востоке Федеративной Республики. Только 5 мая был разрешен спор, в ходе которого правительство земли Баден-Вюртемберга признало за лабораторией университета города Констанца официальный статус. Разногласия между федеральным и земельными правительствами о данных измерений никуда не делись.

4.2. Принятые меры и рекомендации

Помимо цифр временно допустимого уровня содержания радионуклидов цезия (ВДУ) в продуктах питания, очень сильно на жизнь людей влияли различные интерпретации результатов замеров радиации, поскольку даже в этом вопросе на разных политических уровнях принимались различные решения и давались различные рекомендации. В земле Гессен, где допустимое количество ВДУ для молока было самым низким, коров не выпускали пастись под открытым небом. В то же время в Оденвальде (земля Баден-Вюртемберг, территория, граничащая с землей Гессен) животные свободно паслись на лугах. Через две недели после катастрофы администрация города Франкфурт-на-Майне (земля Гессен), несмотря на летнее время, рекомендовала избегать отдыха на газонах города, поскольку в траве был зафиксирован повышенный уровень радиоактивности.

В Гессене детям запретили игры на открытом воздухе. Как позже и в других землях, в Гессене были закрыты детские и спортивные площадки и парки отдыха, в то же время в земле Баден-Вюртемберг этих запретов не было, хотя замеры фиксировали более высокие показатели радиации. Игры детей под открытым небом были запрещены и в Баварии. В Мюнхене был закрыт бассейн. По указанию правительства земли Бавария, в детских садах вместо свежего молока стали давать молоко долгого хранения и чай, хотя в этой земле были разрешены высокие дозы радиоактивных изотопов в молоке. Также из меню были исключены надземные овощи: было запрещено заходить в помещение детских садов в уличной обуви. Своеобразным представляется решение различать

растущие в открытом грунте овощи с севера и юга Баварии. Оно могло бы быть целесообразным, если учитывать, что радиоактивность распределялась пятнами, но при этом очевидно не принимали во внимание факт сильного загрязнения в некоторых местах на севере Баварии. В Мюнхене фракция Зеленых предложила городскому совету из соображений безопасности вывести детей на городских автобусах в Португалию, Францию или Испанию. Глава города Георг Кронавиттер лишь высмеял это предложение. Советник городского управления Вальтер Зёллер (ХСС) на упреки Зеленых коллегам из других партий о недооценке и легкомысленном отношении к последствиям катастрофы ответил: «Хуже преуменьшения опасности - лишь раздувание паники».³⁵

В тон этому заявлению представителей ХСС было заявление федерального правительства, что запрет игр на открытом воздухе и ограничения на использование спортивных и игровых площадок - ненужные и необоснованные. Некоторые независимые эксперты, большая часть населения и ряд политиков, в свете отсутствия точных научных данных о последствиях воздействия радиации на организм человека, оценивали призывы правительства к «нормальной жизни» как неприемлемые.

После того, как большая часть населения отказалась покупать свежие овощи, вышел временный запрет на продажу шпината, салатов, ревеня и употребляемых в пищу дико растущих овощей и грибов. Вместо овощей с рынка немцы запасались продуктами глубокой заморозки и овощными консервами. Это привело к парадоксальным изменениям в диетах некоторых категорий населения. Так, экологически сознательные покупатели больше не покупали органическое молоко, а предпочитали молоко долгого хранения, произведенное до аварии.

7 мая 1986 года руководитель городских фермерских рынков во Франкфурте Хайнц Бергер констатировал: «Ничего зеленого больше не покупают». В первые дни мая финансовые потери некоторых продавцов доходили до восьмидесяти процентов. Особенно сильно пострадали производители трав для Зеленого соуса, традиционной части гессенской кухни. Упакованные травы оставались лежать штабелями на рынке. Позже министр по социальным вопросам Гессена рекомендовал листовые овощи и травы пока не выращивать и не доставлять на продажу, а сразу запахивать.³⁶

---

³⁵ См., MM, 15.5.1986, S. 13.

³⁶ См., FNP, 9.5.1986, S.1

4.3. Отношение к ядерной энергетике на политическом уровне

Уже 1 мая, сразу после первых сообщений об аварии на реакторе, пока ничего не подозревающее население готовилось к первомайской демонстрации, на которой, не зная о радиоактивной угрозе люди могли пострадать, начались споры о будущем немецкой ядерной энергетике. Наиболее четкую позицию заняли Зеленые. Под девизом «Чернобыль - везде» они начали новую антиядерную кампанию с целью немедленного отказа от ядерной энергетике. Более умеренные позиции занимала СДПГ. Она высказалась за прекращение дальнейшего развития атомной энергетике. ХДС обвинила конкурирующие партии в паникерстве, полагая, что пока в Европе продолжается использование ядерной энергии, отказ от нее ФРГ будет бессмысленным. Вместо этого Христиански-демократический Союз Германии (ХДС) призвала повышать уровень готовности на случай природных и техногенных катастроф и активизировать усилия гражданской обороны. В значительной степени эту позицию разделяла Свободная демократическая партия Германии (СвДП). Но и в ХДС и СвДП продолжались внутренние дискуссии по вопросам ядерной энергетике. Не согласные с общей политикой партии составили группу «Христианские демократы против атомной энергетике».³⁷

Бундесканцлер Гельмут Коль и министр внутренних дел Циммерман обозначили свое отношение к последствиям катастрофы и к атомной политике Германии. Для решения вопросов безопасности реакторов Г. Коль предложил созвать международную встречу по вопросам ядерной безопасности, которая должна была пройти в Бонне. На встречу должны были быть приглашены все страны, производящие ядерную энергию.

В течение следующих недель вопросы использования атомной энергии решались в земельных и муниципальных парламентах. На совместных дебатах с муниципалитетами Хорст Цейдлер, председатель фракции СДПГ в городском совете Дортмунда, объявил: «Сегодня мы стоим на границе принятия новых решений».³⁸ После почти пятичасовой дискуссии большинство депутатов парламента Дортмунда высказались за отказ от использования ядерной энергии на базе заявления СДПГ. В обращении говорилось: «Катастрофа в Чернобыле – повод по-новому переосмыслить отношение к энергетической политике Федеративной Республики Германии. Несмотря

³⁷ См., exemplarisch die Auszüge aus der Bundestagsdebatte vom 14.5.1986 in: Das Parlament, 31.5.1986, S. 4f.

³⁸ См., Der Rat hörte Experten zu Folgen und Auswirkungen von Tschernobyl. Große Mehrheit für Ausstieg aus der Kernenergie, in: Dortmunder Bekanntmachungen, 30.5.1986, S. 10.

на то, что требования к ядерной безопасности в ФРГ очень высоки, катастрофы не могут быть полностью исключены. Аналогичная авария могла произойти и с нами.»³⁹ Поскольку риск использования ядерной энергии слишком высок и потенциальная опасность превышает человеческое воображение, ядерная энергетика приемлема только на переходный период. Авария на Чернобыльской АЭС и борьба с ее последствиями выявила серьезные пробелы в необходимых знаниях и координированности действий. Необходимо предотвратить расширение использования ядерной энергетике. Кроме того, в обращении требовали отозвать лицензию на реактор в Хамм-Уентропе (Hamm Uentrop, в г. Хамм) и остановить ведущиеся строительства АЭС.

4.4. Реакция на аварию населения ФРГ

«Должен ли я купить препараты йода для моих детей? Мы гуляли с маленьким сыном, должны ли мы теперь принимать душ? Могут ли дети играть на улице? Можно ли есть салат из нашего сада?» - с этими и подобными вопросами в первые дни после катастрофы люди обращались в разные инстанции.⁴⁰ Только в Дюссельдорфе в первые две недели в Информационный центр города поступило 15 тысяч звонков. Под таким же шквалом звонков была и метеослужба в городе Оффенбах. В первую очередь, звонили матери, обеспокоенные за своих детей, и те, кто планировал отпуск или служебную поездку в Восточную Европу. Множество поездок были отменены из-за страха, часто преувеличенного, возможного радиоактивного облучения. Туристические агентства регистрировали массовый отказ от поездок по Восточной Европе и на берег Черного моря.

Граждане упрекали земельные правительства в равнодушии и беспечности, поскольку публикуемые без комментариев данные измерений были абсолютно бесполезны и непонятны неспециалистам.⁴¹ Заявления Министерства охраны окружающей среды Баварии о том, что радиоактивное излучение в пять-шесть раз превышает природное, граждане восприняли как вопиющее противоречие успокаивающим речам из Бона.

---

³⁹ Там же, S. 11.

⁴⁰ См., FNP, 2.5.1986, S. 5.

⁴¹ Сравн., FNP, 3.5.1986, S. 2

Несмотря на то, что во всех землях призывали без назначения врача не принимать препараты йода, так как их польза сомнительна, а побочные эффекты велики, взволнованное население штурмовало аптеки. Уже 2 мая в Мюнхене таблетки йода были недоступны. В целом по стране были зафиксированы случаи отравления йодом.⁴²

Шок первых нескольких дней сильно сократил ряды поклонников ядерной энергии. Большинство населения высказывалось за поэтапный отказ использования атомной энергии.

По данным опроса исследовательского центра Emnid,⁴³ который в начале мая 1986 года был опубликован в журнале „Der Spiegel“, 69 процентов респондентов полагали, что дальнейшее использование ядерной энергии является слишком опасным.⁴⁴ 66 процентов опрошенных высказались за немедленный или постепенный отказ. Тогда как в 1980 году 56 процентов респондентов высказывались за дальнейшее строительство АЭС на территории республики, после аварии эта группа сократилась до 29 процентов. Меньшинство превратилось в подавляющее, двумя третями голосов, большинство. Главным образом использование ядерной энергии отвергали сторонники Зеленых и СДПГ, но внутри электората ХДС большинство выступало за отказ от дальнейшего использования атомных электростанций. Недовольство населения подтвердили и другие опросы. 75 из 100 опрошенных граждан сообщили, что они «в высокой степени» обеспокоены сообщениями об аварии на реакторе и возможными последствиями для страны. Также большинство опрошенных сообщило, что они внесли коррективы в обычные покупки и образ жизни. Царящая тревога не прошла бесследно для политиков. Первым провел опрос об изменении политических предпочтений Emnid. Опрос показал, что граждане высказываются за большинство в парламенте для коалиции Красно-Зеленых.⁴⁵ Еще в феврале 1986 года, за два месяца до аварии, все выглядело совсем иначе. Только 36 процентов собиралось «точно» или «возможно» голосовать за Красно-Зеленых на выборах в январе 1987 года. Чернобыль решительно изменил общественное мнение. Уже более половины респондентов, а именно 53 процента, собирались отдать свои голоса этой коалиции. Можно предположить, что эти

---

⁴² См., ММ, 3./4.5.1986, S. 1.

⁴³ *Прим. переводчика.* TNS Emnid Medien- und Sozialforschung GmbH – один из самых крупных в Германии центров социальных исследований и изучения СМИ.

⁴⁴ См., „Der Spiegel“, 12.5.1986, S. 28–32.

⁴⁵ *Прим. переводчика.* Красно-Зеленые (Grün-Rot) сокращенное название коалиции Социал-демократической партии и партии Зеленых в правительстве Германии.

изменения связаны с тем, как федеральное правительство повело себя после сообщения об аварии. С утверждением «Бонн занижает последствия аварии» согласились 50 процентов опрошенных, 48 процентов сочли это обвинение необоснованным. Несмотря на общую обеспокоенность, уверенность в надежности западногерманской атомной энергетики была очень высока. По данным опроса, только 24 процента полагали аварию, подобную произошедшей в СССР, возможной в Федеративной Республике. Большинство считали подобное просто невозможным.

Обсуждение возможных последствий Чернобыльской катастрофы и дальнейшего использования ядерной энергии проникло даже в журналы для подростков. Читательница популярного подросткового журнала „Bravo“, участвовавшая в опросе, написала: «Это действительно ужасно, я боюсь будущего».⁴⁶ Тем не менее, и здесь был очевиден раскол общественного мнения в вопросах риска дальнейшего использования ядерной энергии. Это проиллюстрировали ответы читателей, в которых прослеживались четкие тенденции как сторонников линии федерального правительства, так и решительных противников ядерной энергетики. Четырнадцатилетняя Петра разделяла мнение правительства: «АЭС не должны отключать, так как этого не делают другие страны». Михаела, сверстница Петры, жила рядом с АЭС и «совершенно» не боялась, поскольку доверяла безопасности немецких АЭС: «Только потому, что реактор Чернобыля взлетел на воздух, абсолютно не означает, что наши реакторы в ФРГ должны взорваться». А ядерную энергетику необходимо развивать дальше, чтобы избежать вырубki лесов. Пятнадцатилетняя Биргит придерживалась противоположного мнения, она писала: «Чернобыль должен был открыть глаза всем и убедить, что техника не может быть безопасной на сто процентов». Она предпочла бы согласиться с увеличением нагрузки на окружающую среду за счет большего использования ископаемого топлива, чем с продолжением работы атомных электростанций. Все сошлись во мнении, что каждый может что-то сделать для снижения потребления электроэнергии.⁴⁷

Всего через год после Чернобыля положительное отношение к использованию атомной энергии среди западногерманского населения снова несколько возросло.⁴⁸ Правда,

---

⁴⁶ См., „Bravo“, 22.5.1986, S. 10.

⁴⁷ См., „Bravo“, 26.6.1986, S. 69.

⁴⁸ См., Leo Hennen/ Hans Peter Peters, „Tschernobyl“ in der öffentlichen Meinung der Bundesrepublik Deutschland – Risikowahrnehmung, politische Einstellungen und Informationsbewertung, Forschungszentrum Jülich 1990, S. 16f.

ненадолго, доверие было снова подорвано в 1987 году, после скандала с транспортировкой ядерных отходов (Hanauer Atommüllskandals), детали которого по сей день полностью не прояснены. Компания Транснуклеар (Transnuklear), специализировавшаяся на вывозе ядерных отходов с немецких АЭС, подкупила около 100 сотрудников АЭС и электроэнергетических компаний, чтобы сохранить за собой этот выгодный бизнес. Но вместо того, чтобы ядерные отходы перевозить в Бельгию в Центр ядерных исследований в Моле для подготовки к хранению и затем возвращать в Германию, Транснуклеар получил миллионные суммы от бельгийского партнера Саммен (Summen) за то, чтобы не переработанные отходы с фальшивыми документами возвращать в Германию. Также против компании выдвигались обвинения, что она продавала материалы, которые могли использоваться для производства ядерного оружия, в Ливию и Пакистан; однако обвинения не были доказаны. Коррупционный скандал показал, какие опасности таит в себе даже мирное использование ядерной энергии, и пошатнул доверие к атомной отрасли в целом.

4.5. Протесты

Чувство незащищенности и недовольство отношением к последствиям аварии на Чернобыльской АЭС вылились в многочисленные акции и демонстрации протеста. Антиядерному движению был дан новый импульс и обеспечена поддержка слоев населения, ранее не вовлеченных в движение. Поскольку последствия аварии представляли потенциальную опасность для всех, к гражданским протестам присоединились люди, прежде равнодушно относящиеся к использованию атомной энергии.

Некоторые комментаторы привлекали внимание к возросшим симпатиям к «лучащимся Зеленым», которые, по их мнению, были вызваны конъюнктурой антиядерного движения. Несмотря на то, что активисты антиядерного движения не получили новой информации, они воспользовались страхом перед Чернобылем для получения политических дивидендов.⁴⁹ Эта оценка не полностью соответствовала действительности. Зеленые тоже не имели иммунитета от растущего недовольства населения. Министру охраны окружающей среды Гессена Йошке Фишеру было отказано в праве выступить на демонстрации 5 мая 1986 года во Франкфурте-на-Майне, поскольку организаторы считали позицию Зеленых слишком сдержанной.

---

⁴⁹ См., „Strahlende Grüne“, in: FNP, 9.5.1986, S. 2.

Недовольство 500 демонстрантов вызвало слишком нерешительные, по их мнению, требования отказа от атомной энергии. Один из выступающих пояснил: «Никаких компромиссов: немедленная остановка всех АЭС. Поэтому министр Фишер сегодня молчит».⁵⁰

Помимо традиционных демонстраций, мелкие и крупные инициативные группы для выражения своего негодования организовывали и другие действия. В Касселе анонимная антиядерная группа распространяла листовки с призывом упаковывать овощи, одежду, обувь и половые тряпки в пластиковые пакеты и относить их в мэрию для проверки на радиоактивность. Таким образом, группа хотела указать на недостатки информационной политики и отсутствие независимых станций замеров излучения. Сорок участников «Рабочей группы по охране окружающей среды» оккупировали Министерство охраны окружающей среды в Висбадене, чтобы дать волю своему гневу по поводу неоднозначной, по их мнению, позиции Зеленых. Студенты бастовали и требовали междисциплинарного обсуждения опасности ядерной энергии. Обеспокоенные матери выходили на демонстрации вместе с детьми. Феминистские группы подчеркивали особую роль мужчин в создании и эксплуатации технологий с высокими степенями риска. Раз за разом отдельные лица и группы призывали учиться у «изначальных» народов, живущих в гармонии с природой, особенно североамериканских индейцев. Один из читателей в своем письме в газету „Münchener Merkur“ спрашивал, не должны ли мы обратиться к народам, ведущим традиционный образ жизни, и спросить их мнения по поводу нашей техники, науки, производства, отношения к окружающей среде.⁵¹ Таким образом, он косвенно повлиял на приглашение в Германию Петры Келли – индианки из Северной Америки, привлечшей к себе широкое внимание общества. Гостя принимала участие в антиядерных демонстрациях и демонстрациях за мир, участвовала в дискуссиях об образе жизни, приемлемом для окружающего нас мира.⁵² Большинство демонстрантов призывали к более экологичному и безопасному образу жизни и также, возможно, менее техногенному миру. Сторонники использования ядерной энергии, напротив, опасались, что после Чернобыля отказ от использования атомной энергии будет означать дестабилизацию общества и начало борьбы, которая в формулировке премьер-

---

⁵⁰ См., „Joschka wollte – aber er durfte nicht“, in: FNP, 5.5.1986, S. 13.

⁵¹ См., Н. Glenn Penny, Red Power: Liselotte Welskopf-Henrich and Indian Activist Networks in East and West Germany, in: Central European History 41 (2008), S. 447– 476.

⁵² Там же, с. 447– 476.

министра Баварии, ранее Министра атомной энергетики Франца-Йозефа Штрауса
«отбросит всех нас обратно к примитивному уровню».⁵³

---

⁵³ См., ММ, 7./8.5. 1986, S. 1.

5. Последствия аварии в Германской Демократической Республике

То, как в ГДР реагировали на Чернобыльскую катастрофу, прямо связано с особенностями социалистической государственной системы. Так же большое значение имело тесное сотрудничество ГДР и Советского Союза, в котором ведущая роль принадлежала СССР. Независимые сообщения об аварии, имевшие место в Федеративной Республике, в ГДР под руководством Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и ее генерального секретаря Эриха Хонеккера, не допускались. СЕПГ направляла и контролировала все средства массовой информации и не позволяла дискуссии.

По поручению СЕПГ, Министерство государственной безопасности (Штази) внимательно наблюдало и отслеживало мнения граждан, особенно те, которые расходились с официальной линией. Если в Штази полагали, что высказывания носили «подрывной» характер, т.е. отличались от официального мнения, министерство немедленно вмешивалось. В то же время, в отличие от жителей других стран так называемого Восточного блока, граждане ГДР имели возможность получить независимую информацию об аварии из программ западного радио и телевидения. Существующая у жителей ГДР возможность сравнения информации с Федеративной Республикой, которую граждане активно использовали, держала власти ГДР в постоянном напряжении. Именно конкуренция систем между социалистической и капиталистической частями Германии определила информационную политику ГДР в отношении аварии. Близкое соседство Запада и поступавшие из Советского Союза инструкции создавали для руководства ГДР серьезные проблемы. Из-за высокой централизованности и однопартийной системы ГДР несанкционированные мероприятия на региональном или местном уровнях, подобные тем, что проходили в Федеративной Республике, были просто невыполнимы.

5.1. Первая реакция политиков

Несмотря на близкие, декларируемые как «братские» отношения с СССР, в первые дни после аварии в ГДР не получили никакой дополнительной информации об аварии от советских властей. Информация поступила не из Москвы, а с Запада. Вечером 28-го апреля 1986 года, одновременно с тем как западное телевидение донесло плохие новости до гостиных Восточной Германии, Международное агентство по атомной

энергии сообщило в Государственное управление по ядерной безопасности и радиационной защите ГДР (далее ГУРЗ или Управление) о зафиксированном в Швеции повышении уровня радиации. Управление находилось в непосредственном подчинении у Совета министров ГДР, т.е., по крайней мере, официально не было подотчетно конкретному министерству, которое бы несло ответственность за АЭС. В Восточной Германии всегда подчеркивали независимость контроля ядерного сектора, особенно в сравнении с Федеративной Республикой. Тот факт, что контроль просто имел другие формы, поскольку Управление по ядерной безопасности, как и все государственные учреждения в ГДР, подчинялись инструкциям партии, умалчивался.

Согласно докладу главы ГУРЗа Георга Зитцлака, немедленно после получения сообщения было увеличено количество замеров радиоактивности в Восточной Германии.⁵⁴ Результаты измерений и сделанные на их основе прогнозы Управления, не сподвигли восточногерманское руководство к принятию каких-либо особых превентивных или защитных мер, хотя повод для беспокойства давали и данные замеров, и неопределенные прогнозы. В первые дни после аварии реакция правительства ГДР была схожа с линией поведения правительства ФРГ. 8 мая 1986 года, еще до получения более подробной информации и заключения ГУРЗа, крупнейшая газета ГДР «Neue Deutschland» обнародовала часть результатов первого обсуждения проблемы правительства ГДР и Управления: «В результате проверки, проведенной Государственным управлением по ядерной безопасности и радиационной защите, установлено, что (...) никакой опасности для здоровья населения ГДР нет».⁵⁵

Вместо того, чтобы установить четкие нормы разрешенного содержания радиоактивных изотопов в продуктах питания, правительство ГДР назвало краткосрочные «ориентировочного значения» для радиоактивного йода. В первые четыре недели после аварии эти значения для йода-131 были: 500 беккерелей на литр молока и 1000 беккерелей на килограмм листовых овощей. Для молока «ориентированные значения» совпадали с нормативами, установленными в ФРГ, но намного превышали пограничные дозы для листовых овощей (в ФРГ: 250 беккерелей). Для определения «ориентировочных значений» за основу были взяты положение ГУРЗ о допустимой годовой дозе облучения для персонала, людей, в силу профессии взаимодействующих с радиоактивностью. Управление было убеждено, что «следование

---

⁵⁴ Сравн., Auszüge des Berichtes vom 15.5.1986 sind abgedruckt bei Dorothee de Nève, Die Atomkatastrophe von Tschernobyl: Reaktionen in der DDR, Berlin 1995, S. 50ff.

⁵⁵ См., „Neues Deutschland“, 8.5.1986.

стандартам безопасности гарантирует отсутствие прямого вреда здоровью, а краткосрочное превышение радиоактивности не вызывает опасений».⁵⁶ Заслуживает внимания фраза об отсутствии «прямого (непосредственного) вреда» для здоровья. Независимо от того, что, возможно, ГУРЗ не учитывал дозы, получаемые с пищей, и возможные отдаленные последствия облучения, допускаемая ими радиоактивная нагрузка значительно превышала нормативные значения и, исходя из уровня сегодняшнего знания, не может быть адекватно оценена. Секретная во времена ГДР статистика показывает, что при замерах радиоактивности часто фиксировались показатели, значительно превышающие ориентировочные значения.⁵⁷ Документы свидетельствуют, что радиотоксичные продукты не изымали из обращения, поскольку предполагалось, что их краткосрочное потребление, даже с высокой степенью радиоактивного загрязнения, не может привести к проблемам со здоровьем. Согласно расчетам ГУРЗ, ожидаемое дополнительное облучение от потребления загрязненного молока в течение первых четырех недель составило 0,02 мЗв для взрослых и 0,03 мЗв для маленьких детей. Правительство не видело необходимости в каких-либо мерах даже в случае получения населением максимально возможной дополнительной дозы до 1,7 мЗв. Из экспертного заключения ГУРЗ для правительства: «Исходя из этих значений, можно обойтись без вмешательства в производство и распространение и в том случае, когда ориентировочные значения были временно превышены».⁵⁸

Принимая во внимание отсутствие точных данных о влиянии радиации на организм в каждом конкретном случае, подобная базовая установка была весьма рискованной и вряд ли оправданной, учитывая отсутствие подробной информации об аварии и ожидаемом повышении уровня радиации. Правительство ГДР также не сочло необходимым проинформировать население об этих решениях, лишая граждан возможности самим оценить риски и принять собственные решения, например, о потреблении или отказе от определенных продуктов. Жителям Восточной Германии было просто сообщено, что никакой опасности для здоровья не существует.

Особенно сильно пострадали от радиоактивных осадков юго-восточные районы ГДР, Котбус и Дрезден.

---

⁵⁶ Цит. по: de Nève, Atomkatastrophe, S. 51.

⁵⁷ Статистические данные можно найти: там же, с. 56ff.

⁵⁸ Цит. по: там же, с. 53.

По воспоминаниям граждан ГДР, в первые несколько недель после Чернобыля ассортимент свежих фруктов и овощей в магазинах был удивительно богатым. Особенно впечатляющим было количество предлагаемого в супермаркетах страны кочанного салата, который всегда пользовался спросом. Сообщения с Запада о том, что западные немцы отказываются от покупки этих продуктов или их просто изымают из продажи, вызывали у восточных немцев скепсис и настороженность в отношении к продуктовому изобилию. Бундесканцлер Ангела Меркель вспоминает о вдруг появившемся выборе таких фруктов, как клубника и виноград. Несмотря на обычный недостаток этих продуктов, особенно в это время года, она воздерживалась от их покупки. Как физик, она была относительно хорошо информирована об аварии, прежде всего, потому, что имела контакт с коллегами, работавшими с радиоактивными материалами. Физик Себастиан Пфлюгбейл также вспоминает необычайно широкий спектр продуктов и удивительные распродажи кочанного салата. Он полагает, что эти товары которые были выращены для продажи в Западном Берлине. Он рассказывает, что сначала салат хранился в универмагах в Восточном Берлине, а затем был отправлен в столовые школ и детских садов.⁵⁹ С точки зрения правительства ГДР и чиновников, ответственных за радиационную защиту, ничего плохого в этом подходе не было. Они утверждали: «Не требуется никаких мер по сокращению потребления листовых овощей», поскольку обычная доза, приходящаяся на пищу, рассчитывается для взрослых от 0,01 мЗв, для детей - от 0,02 мЗв и может достигать в «экстремальных случаях» 0,4 мЗв.⁶⁰

После первых директив по поводу радиоактивного йода правительство Восточной Германии определилось с нормативами содержания цезия-137 в продуктах питания. На первые три месяца ориентировочные значения для цезия-137 были 300 беккерелей на килограмм продуктов питания.⁶¹ Эти нормативы базировались на рекомендациях Европейского экономического сообщества, предшественника Европейского Союза, согласно этим нормативам 370 беккерелей считались безопасными. ГУРЗ сообщал в Центральный Комитет СЕПГ, что в состоянии оценить все риски, связанные с распространением радиоактивности. Однако оценки рисков, которые давали чиновники

---

⁵⁹ См., Sebastian Pflugbeil, *Tschernobyl und die DDR – zwischen staatlicher Leugnung und Bürgerbewegung*, in: Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Sachsen-Anhalt, *Tschernobyl und die DDR: Fakten und Verschleierungen – Auswirkungen bis heute?*, Magdeburg 2003, S. 24–35, hier S. 25.

⁶⁰ Сообщение Управления по делам ядерной безопасности, цит. по: de Nève, *Atomkatastrophe*, S. 53.

⁶¹ См., SAAS, *Results of Radiation Monitoring in the German Democratic Republic*, in: *Isotopenpraxis* 24 (1988) 1, S. 33–38, hier S. 34.

ГУРЗ, сильно отличались от мнений экспертов из ФРГ. Так, Управление исключало опасность для здоровья при ношении одежды, загрязненной радиацией. Также они полагали безопасными работы как по очистке автомашин от радиоактивного загрязнения, так и по переработке загрязненного молока. На основании этих утверждений, правительство ГДР не видело необходимости в каких-либо особых рекомендациях для населения, например, в запрете детям играть на улице или отдыхать на открытом воздухе. Власти ГДР никак не высказывались по поводу поездок даже после того, как двадцать два туриста после пребывания в 90 и 300-ых километрах от взорвавшегося реактора обратились за медицинской помощью. Хотя чиновники в ГДР не предостерегали от поездок, некоторые группы молодежи отказались от путешествий в Советский Союз.

Чуть менее чем через месяц после аварии Советский Союз проинформировал «братские страны» о случившемся. Это произошло на встрече Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), межправительственной экономической организации социалистических стран во главе с Советским Союзом. 20 мая 1986 Алексей Антонов, заместитель председателя Совета Министров СССР и постоянный представитель СССР в СЭВ, пригласил представителей других стран участников СЭВ для внутреннего совещания о Чернобыле. Член политбюро СЭВа Гюнтер Клейбер, который присутствовал на совещании от ГДР, позже передал Эриху Хонеккеру и другим членам ЦК полученную информацию.⁶² Антонов не сообщил присутствующим деталей о причинах аварии, но описал всю серьезность ситуации и принятые меры по обеспечению безопасности реактора. Он также сообщил о 17 погибших и 28 пострадавших, которые находились в крайне тяжелом состоянии. Несмотря на сказанное, Антонов пытался произвести впечатление, что ситуация находится под контролем и опасность предотвращена. Он заявил, что население за пределами зоны эвакуации находится «в полной безопасности».

Так же, как и правительство ФРГ, руководство Восточной Германии распорядилось проверить безопасность своих атомных электростанций. По результатам проверки в мае и ноябре 1986 года Управление дало критическое заключение, в котором хоть и было подчеркнуто, что «ядерная безопасность и радиационная защита предприятий обеспечиваются в необходимой степени собственными средствами», в отдельных

---

⁶² Сообщение опубликовано в de Nève, Atomkatastrophe, S. 57f.

пунктах сообщалось о существенных недостатках в системах безопасности.⁶³ Согласно секретному докладу, больше всего проблем было у старых реакторов. Основными проблемами эксперты признали недостаток качественных материалов, оборудования и подготовленного персонала. Доклад резюмировал, что условием успешной работы системы безопасности являются «качественные и исправные строительные материалы», что не могло быть гарантировано. В приложении были протоколы аварий на АЭС в Лубмине и Рейнсберге, их причинами называли качество материалов и человеческий фактор. АЭС в Рейнсберге была остановлена в марте 1986 года, всего за полтора месяца до Чернобыля, чтобы «провести всестороннюю диагностику материала и реконструкцию для усиления ядерной безопасности». Признание, что надежность существующих систем безопасности «ограничена» и пригодна только для защиты от «ограниченного вида и количества незначительных инцидентов», не повлекло немедленной реакции. Также в докладе отмечалось, что необходимый уже в предыдущие годы ремонт не проводился. Причинами этого называли недостаток материалов, оборудования и мощностей. Не меньшим препятствием, согласно докладу, являлись «недостаточность проводимых исследований и подготовки персонала», прежде всего, это было вызвано отсутствием новых кадров, так как институты и техникумы не готовили необходимое количество выпускников. В частности, это привело к серьезной нехватке кадров в научном руководстве. Имеющихся высококвалифицированных специалистов было нелегко привлечь для работы на ядерных установках. Порой привлечение специалистов упиралось в такие практические вопросы, как нехватка жилья в городах рядом с АЭС. Эксперты предупреждали: «Ожидание последствий названных проблем или результатов научных исследований и основанных на них рекомендаций из СССР неизбежно приведет к потере эксплуатационной готовности и безопасности, что приходит в противоречие с национальными интересами ГДР». Как и во многих других сферах, этот подробный анализ не имел последствий и не привел к устранению выявленных проблем. Руки должностных лиц были связаны, поскольку они не имели влияния на общее экономическое планирование, просчеты в котором, в конечном счете, и привели к нехватке материалов и стимулов.

В отличие от Западной Германии, где министр внутренних дел Циммерман публично заверил, что немецкие АЭС выдержат даже падение грузового самолета, ЦК СЕПГ не

---

⁶³ Заключение опубликовано в de Nève, Atomkatastrophe, S. 59ff.

решался на такие восторженные заявления. Что касается риска авиакатастрофы, то на одной из АЭС даже решили принять меры по защите здания на случай подобной аварии.⁶⁴

Безопасность атомных электростанций в ГДР обсуждали и близлежащие соседи на Западе. Поскольку было известно, что восточногерманские АЭС были построены по советским проектам, возникли сомнения в их безопасности. Датская инициативная группа «Излучающие соседи» в первые месяцы после Чернобыля собрала 150.000 подписей за закрытие атомной электростанции в Лубмине. После получения петиции Э. Хонеккер пригласил организаторов в Восточный Берлин, чтобы они могли убедиться в безопасности ядерных реакторов в Восточной Германии. Однако датчанам не позволили посетить ту АЭС, закрытия которой они требовали. Кроме того, правительство Восточной Германии не дало датчанам возможности встретиться с противниками ядерной энергетики в ГДР, которые написали две петиции, призывавшие переосмыслить ядерную политику Восточной Германии. Отказ датчанам объяснили тем, что авторы петиции не известны. Это не было правдой, поскольку их имена были перечислены на манифесте. Кроме того, подробнейшая информация об авторах содержалась в их файлах в Министерстве государственной безопасности.

5.2. Информационная политика и средства массовой информации

*«Утром, во время завтрака, по радио прозвучало сообщение, которое заставило меня выскочить из-за стола, чтобы сделать громче звук. Сообщение о том, что раньше я знала лишь по слухам. Сообщение, касающееся меня, слова, которые проникали в мое сознание. Речь звучит так быстро, что я не успеваю понять, но в то же время она вызывает у меня беспокойство, и все же я разбираю успокаивающие слова диктора, которые, вероятно, должны смягчить сказанное».*⁶⁵

Это цитата из дневника Сьюзи Франк, молодой матери и члена женской группы в Карл-Маркс-Штадте. После первых сообщений об аварии на реакторе подобные чувства испытывали многие граждане Восточной Германии. В сравнении с большинством других социалистических стран, за исключением Польши и Югославии, в которых сообщения об аварии мало отличались от западных, СМИ в ГДР сообщили о Чернобыле относительно подробно. Причины этого следует искать в конкретной

---

⁶⁴ См., De Nève, Atomkatastrophe, S. 90.

⁶⁵ См., Robert-Havemann-Gesellschaft (RHG)/PS 68/2.

ситуации, в которой находилась страна, являясь социалистической частью в рамках немецкого государства. Западное телевидение было доступно практически каждому в ГДР, это заставляло правительство Восточной Германии реагировать на ситуацию. Сразу после аварии у правительства были связаны руки, поскольку Советский Союз ввел мораторий на сообщения. Руководству ГДР приходилось полагаться на информацию из вторых и третьих рук, которой они не могли распоряжаться свободно, из-за лояльности по отношению к Советскому Союзу. Общие слова о положении в Советском Союзе и об аварии надо рассматривать именно в этом контексте. Отсутствие конкретной информации в СМИ вызывало чувство беспокойства у населения. Из дневника Сьюзи Франк: «Я внимательно читаю газеты, но не вижу никаких советов».⁶⁶

Первая информация в СМИ ГДР прозвучала вечером 29 апреля в конце программы новостей „Aktuelle Kamera“, было озвучено сообщение советского информационного агентства ТАСС. На следующий день газета „Neue Deutschland“, на пятой странице номера, поместила статью, в которой говорилось, что имела место авария и поврежден один из реакторов. Меры для ликвидации последствий аварии уже приняты, пострадавшие получили помощь. Для устранения последствий аварии назначена правительственная комиссия. Информации о выбросе радиации, жертвах или эвакуации в сообщении не было.

Днем позже было сообщено, что в результате повреждения реактора «некоторое количество радиоактивных материалов» было выброшено в атмосферу.⁶⁷ Также говорилось о гибели двух человек и эвакуации населения с территорий, прилегающих к реактору. Вечером 30 апреля по телевидению ГДР транслировали специальный выпуск „Aktuelle Kamera“, посвященный аварии на реакторе.⁶⁸ В студию были приглашены три эксперта: Гюнтер Плах, директор Центрального института ядерных исследований в Россендорфе, недалеко от Дрездена, Карл Ланиус, директор Института физики высоких энергий в Цойтен, рядом с Берлином, и Вольфганг Крюгер от Управления по ядерной безопасности. Они отвечали на вопросы об «аварии на атомной электростанции».

С одной стороны, эксперты единогласно подтвердили отсутствие риска для людей и экологической ситуации в ГДР. В то же время было сказано о повышении радиоактивного фона на территории страны. При этом физики подчеркивали, что их

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См., „Neues Deutschland“, 30. April 1986.

⁶⁸ Следующие комментарии прозвучали в передаче „Junge Welt“ 02.05.1986.

заявления касаются только «настоящего момента» и они ждут более точной и полной информации об инциденте. Далее в интервью эксперты проясняли различия между взорвавшимся реактором и АЭС в Восточной Германии. При этом эксперты использовали весьма осторожные выражения, например, «постоянно предпринимаются попытки» интегрировать новые системы безопасности в реакторы. Такие высказывания оставляли возможным вариант, что «попытки» еще не претворены в жизнь, что позже и подтвердил секретный доклад о состоянии систем безопасности на атомных электростанциях.

3 мая газета „Berliner Zeitung“ опубликовала результаты замеров радиации, которые прозвучали во время политических дебатов между Восточной и Западной Германией. В беседе с западногерманскими политиками Йоханнесом Рау и Оскаром Лафонтемом Эрих Хонеккер подчеркнул, что Германская Демократическая Республика - единственная социалистическая страна, где результаты измерений были опубликованы сравнительно быстро. Тот факт, что для публикации были выбраны самые низкие данные замеров, так же мало беспокоил Хонеккера, как и то, что приведенные данные были абсолютно не упорядочены.⁶⁹

Восточногерманские СМИ опубликовали на удивление много мнений западных экспертов и правительств, включая ФРГ, но исключительно те, которые имели тот же примирительный тон, что и линия правительства ГДР. Например, газета „Die Wahrheit“ подробно рассказывала о якобы несправедливом уничтожении 24.000 литров молока из ГДР властями Западного Берлина, причиной уничтожения было подозрение на радиоактивное загрязнение. Газета цитировала как высказывание Департамента здравоохранения сената Западного Берлина о том, что установленные границы содержания радиоактивных изотопов чрезмерно занижены, так и ответ Союза производителей молока. В опубликованном пресс-релизе производители молока заявили: имеет место «чрезмерная реакция сотрудников нашего сената».⁷⁰ Так же СМИ ГДР подробно осветили позицию ряда международных организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Международное агентство по атомной энергии, согласно мнению которых, в некоторых кругах преувеличивают опасность ситуации, не таящей в себе угрозы.

---

⁶⁹ См., De Nève, Atomkatastrophe, S. 25.

⁷⁰ См., „Die Wahrheit“, 3.5.1986.

Представители правительства обвиняли критиков в нагнетании истерии и паники. Очень быстро начала работать схема свой - чужой, характерная для Холодной войны. Функционеры СЕПГ и лояльные журналисты критиковали пропагандистскую кампанию против Советского Союза и социалистических завоеваний трудящихся. Каждый день газеты писали о враждебной пропаганде против СССР и демонизации социализма, чтобы отвлечь мировое сообщество от советских предложений по разоружению.

Также интересно, что редакторы газет, радио и телевидения в ГДР использовали в публикациях термины и понятия, отличные от тех, что имели хождение в Западной Германии. Например, они не писали или не говорили, „Super-GAU“, как это было принято на Западе, а описывали взрыв на Чернобыльской АЭС и его последствия в таких понятиях как «ущерб» или «несчастье». В то же время инциденты на ядерных установках на Западе именовались «авария», «несчастный случай» или «серьезный инцидент», на восточноевропейские дела эта терминология не распространялась.⁷¹ Значительно увеличилось количество сообщений о происшествиях на западных атомных электростанциях, эти сообщения практически ежедневно добавлялись к новостям об аварии на советской Украине. Это преследовало цель подчеркнуть относительность событий на Чернобыльской АЭС, хотя фактический масштаб происшедшего не был известен.

СМИ ГДР избегали не только оценки последствий аварии, но и любой критики использования ядерной энергии в целом. Вместе с этим, каким бы непоследовательным и противоречивым это ни казалось, руководство ГДР довольно положительно относилось к антиядерному движению в ФРГ. Такое отношение было основано не на сходных позициях по отношению к ядерной энергии, хотя позже Э. Хонеккер снова и снова утверждал это, а на поддержке движения, которое, по представлениям СЕПГ, выступало против «капиталистических корпораций» и «эксплуатации».

Хотя предписания и ограничения поступали в ГДР из Советского Союза, но, как показывают некоторые статьи в прессе, граждане Восточной Германии были лучше информированы о происходящем, чем пострадавшее население в советских республиках. В статье, опубликованной в „Berliner Zeitung“ 26 октября 1986 года, через шесть месяцев после катастрофы, сообщалось, что около двадцати процентов

---

⁷¹ См., De Nève, Atomkatastrophe, S. 36.

территории Белорусской Советской Социалистической Республики загрязнено радиоактивностью и что для 100.000 переселенцев должны быть построены 40.000 квартир. В газетах, выходящих на территории Советского Союза, ничего подобного не упоминалось. Очень рано в прессе ГДР появились сообщения о советских «героях - ликвидаторах», которые стояли в одном ряду с «героями - антифашистами» и «героями труда». Авария представала в качестве внешнего врага, который напал и с которым надо бороться; в том, что враг потерпел поражение, даже если победа была оплачена жертвами, не было никаких сомнений. Ведь Советский Союз победил нацистов. Газеты превозносили героизм рискующих своими жизнями ликвидаторов, чтобы приглушить масштабы происшедшего.

О героизме, проявленном ликвидаторами в первые дни и недели после аварии, рассказывал дневник, опубликованный в 1987 году литературным журналом Художественной академии ГДР „Sinn und Form“. Журнал издал записки врача, ставшего позднее первым министром охраны окружающей среды Украины Юрия Щербака. Подробный дневник, рассказывающий о спасателях и ликвидаторах, дополненный собственными переживаниями врача, глубоко поразил читателей. Некоторые из них переписывали отрывки из журнала, чтобы больше людей могли получить представление от личного и непосредственного описания аварии и ее последствий для пострадавших.

В том же году журнал опубликовал волнующий рассказ Кристи Вольф «Авария. Хроника одного дня». Этот литературный пересказ аварии на реакторе до сих пор считается одним из самых успешных отображений тех страхов, которые вызвал Чернобыль.

5.3. Реакция на аварию жителей Восточной Германии

Если причиной беспокойства и неуверенности жителей Западной Германии были противоречивые интерпретации последствий аварии, то на Востоке людей беспокоило отсутствие общественных дебатов по этой теме. Хотя далеко не все граждане ГДР испытывали чувство страха или неуверенности, поскольку люди привыкли доверять технологиям, мнениям экспертов и заявлениям главы государства. Для них сообщения западных СМИ на самом деле звучали как необоснованная паника. Но большая часть населения Восточной Германии была так же обеспокоена, как и их соотечественники в ФРГ. Сьюзи Франк писала в своем дневнике:

«Довольно банальные бытовые вещи вдруг оказались в центре внимания. Я боюсь и поступаю с крайней осторожностью. Я купила молоко, которое потом, - из почти панического страха сознательно навредить моему ребенку, - выбросила. Я иду мимо овощных магазинов, в которых на ящиках с салатом красуются надписи: «из парника» и рядом в скобках «крытого». Люди смеются, салат никто не покупает».⁷²

Недоступность радиоактивности для восприятия человека и неспособность самостоятельно оценить ее опасность в повседневной жизни вызвала глубокий страх, который, в отличие от Федеративной Республики, не мог быть публично озвучен.

Министерство государственной безопасности, которое регулярно проводило оценки настроений среди населения, курировало и ситуацию, сложившуюся после аварии. Разнообразные реакции в разных слоях общества тщательно фиксировались. Правда, отчеты сотрудников Штази должны восприниматься критически, поскольку зачастую они отражают искаженное представление о социалистической действительности. Тем не менее, они содержат некоторые интересные данные о реакциях в обществе, о восприятии ситуации и приоритетах самого Министерства. Хотя они не могли заменить отсутствовавших опросов общественного мнения, но, по крайней мере, отражали существовавшие тенденции. Доклад Штази от 6 мая 1986 года говорил об общем доверии населения к официальной информации и уверениям в отсутствии опасности. В последующих докладах появляется и ряд примеров недоверия к официальной информации.⁷³ По информации Штази, сотрудники АЭС и строители, участвующие в возведении новых реакторов, испытывали после Чернобыля «достаточную степень тревоги и неопределенности». Более всего их тревожило плохое информирование о возможных технологических проблемах при эксплуатации АЭС, а также о необходимых действиях в случае чрезвычайной ситуации. Опрос Штази сотрудников АЭС - «готовы ли и как именно в ГДР к возможным авариям» - выявил вопиющее невежество и отсутствие эффективных мер для предупреждения чрезвычайных ситуаций.

Министерство государственной безопасности также регистрировало мнения, которые ставили под сомнение безопасность реакторов в ГДР. Недоверие было вызвано тем, что ядерные реакторы в ГДР, хотя и не принадлежали к типу РБМК, были сконструированы в СССР и, следовательно, обладали не большей безопасностью, чем

---

⁷² См., RHG / PS 68/2.

⁷³ Я благодарю Сабину Паннен за помощь в работе. BStU, MfS, ZAIG, 4204, 6.5.1986, Bl. 1-5.

их советские конкуренты. Кроме того, сотрудники АЭС опасались, что из-за гораздо более плотной заселенности подобная авария в ГДР будет иметь более тяжелые последствия. Также сотрудники Штази сообщали, что в этом контексте обсуждался вопрос об оправданности использования ядерной энергии в ГДР в целом.

По сообщениям Штази, граждане Восточной Германии выражали недоумение по поводу столь запоздалой реакции средств массовой информации в Советском Союзе и Восточной Германии. Западные пресса и телевидение предоставляли более полную и актуальную информацию, что ставило под сомнение достоверность данных, озвучиваемых в ГДР. Сомневающиеся высказывали недоверие к официальным сообщениям по трем основным позициям: во-первых, неправдоподобно, что погибли только два человека. Во-вторых, сообщения в ГДР представляют собой попытку приуменьшить бедствие, так как в Польше и Скандинавии было зафиксировано увеличение радиационного фона. В-третьих, Советский Союз никогда бы не признался в случившейся аварии, если бы другие страны не зафиксировали повышение радиоактивности и не подняли тревогу. Достоинством фиксации в Штази также признали скептицизм некоторых студентов факультета химии университета Грайфсвальда / Росток. Студенты задали вопрос, проводятся ли в ГДР регулярные измерения радиоактивности, являющиеся стандартными в других странах. Они также критиковали тот факт, что долгосрочные последствия радиоактивного воздействия все еще не обсуждались. Молодые люди затронули важнейший момент, который публично фактически не обсуждался. Отсутствие информации о возможных отдаленных последствиях радиационного загрязнения, а также общий недостаток информации были отправной точкой дискуссий в оппозиционных кругах.

5.4. Оппозиция

В мае 1986 года петиция «Чернобыль – везде» провозгласила: «За распространение растерянности, дезинформированности и неуверенности ответственны не только те опасности, которые стали очевидны после аварий на АЭС, но и действия безответственной и общественно опасной информационной политики на Востоке и Западе».⁷⁴ Авторами петиции были оппозиционные марксистские группы из Восточного Берлина „Gegenstimmen“ и „Friedrichsfelder Friedenskreis“. Их представители Вера Волленбергер и Сильвия Мюллер собрали 141 подпись в

---

⁷⁴ Сравн., RHG / RSch 32.

поддержку петиции и 5 июня 1986 года во Всемирный день окружающей среды передали в правительство и парламент ГДР. Многостраничная апелляция содержала не только примеры недооценки ситуации и дезинформации об аварии, ее содержание было гораздо шире. По мнению авторов, не только после Чернобыля, а гораздо раньше опасность использования ядерной энергии недооценивалась, а общественное обсуждение этой темы не допускалось. При этом объектами критики были не только восточногерманское руководство, но и другие страны, например, Франция. Оппозиция требовала остановить строительство АЭС в Стендале и продолжение работ в Лубмине. Кроме того, она требовала так преобразовать энергетическую политику, чтобы к 1990 году полностью отказаться от использования атомной энергии. Вместо нее должно поощряться использование альтернативных источников энергии и энергосберегающих технологий. Авторы призвали опубликовать все данные по состоянию окружающей среды. Также авторы обращения высказывались в поддержку усилий ГДР и Советского Союза по разоружению. Этим они подстраховались от практики, часто используемой органами государственной власти для дискредитации критиков, выставляя их как потенциальных противников разоружения и сторонников войны. Высказывания профессора Карла Ланиуса и Гюнтера Флаха в специальном выпуске «Aktuellen Kamera» 30 апреля, в котором эксперты коррелировали безопасность атомных электростанций с опасностью атомной бомбы, отвергались как «демагогическая уловка». В то же время марксистская оппозиция выступила с критикой в адрес Соединенных Штатов Америки, которые они обвинили в политическом поощрении антисоветской кампании. Петиция продемонстрировала глубокую осведомленность группы в комплексе технических деталей ядерной энергетики. Это отчасти научное вникание в работу реакторов и связанных с ними рисков стало отличительной чертой всех основных экологических групп оппозиции ГДР, которые объединяли вместе образование, дискуссионную готовность, информированность и протест. Крайне важен был тот факт, что среди активных участников были физики и ученые естественных направлений, располагавшие необходимыми знаниями. Например, петиция «Чернобыль - везде» была основана на разработках физика Пфлугбайля, которые в начале мая он направил на конференцию церковных лидеров, чтобы привлечь внимание к угрозам последствий аварии.

До Чернобыля оппозиционные группы фактически не уделяли внимания рискам гражданского использования ядерной энергии и энергетической политике в целом. То,

как реагировали и освещали последствия аварии в ГДР и других странах, вместе с нарастающей неуверенностью населения подействовало на экологические и пацифистские группы в ГДР как катализатор. В основном, это было сопротивление, сформировавшееся под защитой церкви. В церковных пределах для этого были оптимальные условия, поскольку церковь смогла сохранить определенную автономию от государственного контроля. Важнейшим средством связи для работающих под эгидой церкви оппозиционных групп был самиздат, издававший журналы и другие печатные произведения. Со штемпелем «только для служебного использования внутри церкви» они в значительной степени были защищены от посягательств государственной власти.

Уже в начале 80-х в ряде протестантских церквей были созданы экологические группы для рассмотрения вопросов, связанных с ядерной энергетикой. При этом не все участники этих групп в действительности принадлежали к христианским общинам, но церковь предлагала свободное от надзора пространство, которого в ГДР больше нигде не существовало. Размеры этого пространства в большой степени зависели от увлеченности конкретного пастора и терпимости церкви, поскольку церковное руководство не всегда могло себе позволить поддерживать иногда очень своеобразные и неформальные группы.

Несколько позже, отчасти способствуя процессам расслоения в существующих группах, уже вне опеки церкви начали появляться независимые экологические организации. Темы и критика всех экологических групп были сходны с темами антиядерного движения на Западе, что способствовало, по крайней мере, некоторым совместным инициативам и контактам. В центре дискуссии были сомнения в абсолютной безопасности атомных электростанций, опасности невысоких доз облучения при нормальной работе АЭС, нерешенная проблема радиоактивных отходов, развитие альтернативных источников энергии, а также размышление о «здоровых и естественных человеческих потребностях», которые включают в себя рациональное и экономное использование энергии.

Через год после аварии в Ционскирхе⁷⁵ в Берлине состоялась встреча 25 представителей антиядерных групп с целью создания антиядерного движения в ГДР. Сделать этого не удалось как из-за многочисленных противоречий, так и, видимо, из-за взаимного предубеждения между представителями Берлина и провинции. Радикальные предложения представителей Берлина не нашли поддержки у делегатов из Саксонии и Тюрингии, поскольку они считали диалог с государством единственным жизнеспособным вариантом. Эта дихотомия между радикальным протестом с резкими, иногда спорными лозунгами с одной стороны, и более «мягкой» версией, которая ориентировала свои идеи на более широкую аудиторию, с другой стороны, была в целом характерна для оппозиционного движения Восточной Германии. Особенно заметно это было в дискуссии о ядерной энергетике. Также не следует забывать о том, что «радикальные» формы протеста в ГДР из-за возможных репрессий со стороны государства и Штази были изначально ограничены и никогда не достигли уровня эскалации антиядерных протестов в Федеративной Республике.

Заявления, петиции, кампании и мероприятия

Очень распространенным и легитимным способом для выражения недовольства в ГДР была подача заявлений в органы государственной власти, в основном, лично генеральному секретарю ЦК - Эриху Хонеккеру. Начало протестов вдохновила пацифистски-экологическая группа религиозной общины Берлин/Лихтенберг в Восточном Берлине (позже пацифистски-экологическая группа Ционскирхе). Уже 1 мая 1986 года было отправлено заявление в Секретариат Совета Министров, в котором выражалось возмущение по поводу отсутствия информации. В письме ставилась под сомнение не только безопасность построенных по советской технологии атомных электростанций, но и мнения экспертов в области ядерной энергетике в целом. Группа призывала закрыть все атомные электростанции и ускорить программы развития децентрализованных альтернативных источников энергии. По поводу распространенного аргумента, что ядерная энергия является единственным способом предотвращения загрязнения воздуха продуктами горения углерода, они писали:

---

⁷⁵ *Прим. переводчика.* Эта церковная община известна тем, что в ней служил знаменитый теолог и антифашист Дитрих Бонхёффер, в годы ГДР церковь была центром сбора оппозиционных групп.

«альтернативой отравлению человека и окружающей среды серой не должна быть смерть от радиации».⁷⁶ Ответа на письмо группа не получила.

За инициативами экологов из Берлина последовали многочисленные заявления из других городов Восточной Германии, например, из Йены, Магдебурга, Галле и Лейпцига. Наибольшее сопротивление вызывали планы строительства атомной электростанции в Стендале. Ведущая роль в этой борьбе принадлежала супругам Эрике и Людвигу Дрессам, психиатрам по профессии. Они потребовали заморозить строительство в Стендале, они считали использование атомной энергии морально недопустимым, поскольку нет ясности по многим вопросам и невозможно оценить риски долгосрочных последствий. Свою активность верующая пара мотивировала важностью сохранения божественного творения. Как и участники других христианских экологических групп, Эрика и Людвиг Дрессы пытались заручиться поддержкой руководства церкви. Они просили церковное руководство провинции Саксония вступить в переговоры с правительством ГДР, чтобы обсудить ответственность дальнейшего использования атомной энергии. Одновременно с этим, по их мнению, церковь должна была оказывать влияние на своих прихожан и призывать их сократить потребление энергии и вести более экологичный образ жизни.

В начале июня 1986 года была подана петиция «Чернобыль - везде», затем последовало коллективное заявление, имевшее более радикальный и провокационный тон и менее сфокусированное на вопросах предоставления фактической информации и разъяснений. Авторы «Открытого письма к правительствам всех стран»⁷⁷ призывали к «международной инициативе за прямую демократию и к референдуму против атомных станций». В качестве контактных лиц в письме были названы Мартин Бёттгер, Ральф Хирш и Герд Поппе. В заявлении, адресованном в Народную палату,⁷⁸ они призвали к референдуму, поскольку утратили доверие к политикам. «То, что касается каждого, должны решать все», - писали они. Такое решение не может быть достигнуто посредством выборов. Они ссылались на статьи 21 и 53 Конституции ГДР, предусматривающие возможность проведения референдума в случае принятия решения Палатой народных представителей. В оценке ядерной энергии авторы были

---

⁷⁶ Сравн., RHG / PS 107/08.

⁷⁷ См., RHG / PS 47/08.

⁷⁸ *Прим. переводчика:* Народная палата – парламент, согласно Конституции высший орган власти Германской Демократической Республики.

бескомпромиссны. Они писали: «Чернобыль разбудил народ: использование ядерной энергии является безответственным. АЭС - это ядерные бомбы со взрывателем замедленного действия». Еще более радикально авторы высказывались по поводу тех, кто поддержал ядерную энергетику: «Тот, кто после Чернобыльской АЭС, несмотря на все предупреждения, готов строить новые АЭС, - безответственный игрок. Те, кто после Чернобыля все еще держатся за эту технику, - опасные террористы и преступники». В годовщину аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1987 года они передали в Народную палату свой доклад, который подписали более 1000 человек.

Власти по-разному реагировали на заявления. В одних случаях их просто игнорировали, в других - давали подробный ответ. Проходили встречи между представителями независимых инициатив и государства. Эти встречи часто были гораздо менее идеологизированы, чем письма. Два участника евангелического студенческого сообщества города Галле, подавшие несколько заявлений в различные учреждения - от газеты „Neues Deutschland“ до Министерства здравоохранения, – были приглашены в Министерство здравоохранения Галле. В разговоре студенты коснулись ошибок, допущенных государственными учреждениями при публикации отчетности и данных без сопроводительных комментариев. Представитель местного правительства признал, что интерпретация данных вызывает затруднения даже у специалистов.⁷⁹ Кроме того, состоялась серия встреч с сотрудниками Государственного управления по ядерной безопасности и радиационной защите. По воспоминаниям оппозиционеров, принимавших участие в этих дискуссиях, на них преобладало обсуждение фактических данных и их разъяснений. Примечательно, что сотрудники ГУРЗ в беседах с представителями различных групп населения не раз подчеркивали, что они только лишь отвечают за безопасность атомных электростанций, сами же они придерживаются нейтральной позиции по поводу использования ядерной энергии.

Некоторые экологические группы также приглашали государственных экспертов для чтения лекций, например, такая лекция состоялась в начале февраля 1987 года по приглашению общины Магдебургского собора в Магдебурге. Однако эти лекции не всегда удовлетворяли аудиторию. Так, например, приглашенный этой же общиной руководитель санэпиднадзора района прочел часовую лекцию для 130 слушателей,

---

⁷⁹

См., RHG / PS 107/08.

уделив ядерной проблеме, наиболее интересовавшей пришедших, лишь последние десять минут своего доклада.

В дополнение к этим мероприятиям группы также организовывали учебные курсы и семинары. Третий Берлинский экологический семинар в конце 1986 года в Ционскирхе был целиком посвящен дискуссии о последствиях Чернобыля и альтернативных методах производства энергии. В семинаре в общей сложности приняли участие около 100 представителей от 36 экологических групп. Поразительно, что главным образом это были молодые люди. Многие активисты-экологи находились под контролем Штази, министерство прослушивало их телефонные разговоры, перехватывало почту, устанавливало подслушивающие устройства в домах и посылало своих «неофициальных сотрудников» участвовать в экологических группах.

Экологическая тема была актуальна до конца существования ГДР. В 1988 году в «самиздате» церковного исследовательского сообщества Виттенберга вышло уникальное исследование Михаеля Белейтеса, посвященное добыче урана в Восточной Германии, автор был одной из ключевых фигур экологического движения периода позднего ГДР. Повсеместно получили распространение небольшие библиотеки по экологической тематике, которые собирали материалы и литературу по охране окружающей среды и ядерной энергетике и предоставляли ее в распоряжение заинтересованных читателей. Даже если эти библиотеки не достигали уровня берлинских первопроходцев, они были важным местом встреч заинтересованных людей.

Все необычные акции, даже если речь шла только о распространении наклеек, вызывали подозрение у власти. Участники группы «Экология» евангелического прихода Магдебургского собора распространяли стикеры с лозунгами: «Отключить АЭС» или «Молчание ничего не изменит. Действуя, Ты сможешь что-то изменить». Участие в этой акции стоило некоторым активистам двадцати часов допроса в полицейском участке. Хотя эту акцию частично поддерживали государственные структуры, а некоторые должностные лица одобрили эти действия и даже выразили свою озабоченность по поводу использования ядерной энергии. Репрессивные действия оправдывали тем, что подобная поляризация мнения не для простых людей. Распространение листовок на месте строителей АЭС в Стендале также привела к

многочасовым допросам и административным взысканиям.⁸⁰ Противодействие властей и отсутствие интереса у большинства населения приводили экологов к разочарованию. В самиздатской газете «Grenzfall» по этому поводу писали: «До тех пор, пока не будет общественной дискуссии о строительстве АЭС, можно говорить, что Чернобыль ничему не научил никого из правительства, не позволяющего этого обсуждения, и никого из нас, его не требующих».⁸¹

5.5. Объединение страны, отключение атомных электростанций ГДР и отказ от атомной энергетики

После воссоединения Германии в девяностых годах прошлого века все атомные электростанции на территории ГДР были закрыты. Сегодня на территории единой Германии производят электроэнергию еще 17 АЭС. После нескольких лет затишья этой темы на публичной арене она вспыхнула вновь в середине 90-х годов. Дебаты завершились в 1998 году введением ядерного моратория, Красно-зеленая коалиция решила на постепенный отказ от ядерной энергии по схеме накопления «излишков электроэнергии». Согласно этой схеме последняя АЭС должна выйти из сетки электроснабжения страны в 2020 году. В 2010 году Черно-желтая коалиция,⁸² не консультируясь с землями, отозвала это решение и продлила время перехода в среднем на двенадцать лет. По этому поводу пять земель подали конституционную жалобу.

Дискуссия о продлении времени отказа от ядерной энергии привела к новой мобилизации масс. В демонстрациях протеста приняли участие сотни тысяч людей, призывавших к соблюдению ядерного моратория. Конфликт из-за использования ядерной энергии не ослабевает и в объединенной Германии. Разжигают конфликт те же нерешенные вопросы: промежуточное и окончательное хранение ядерных отходов, опасность для здоровья низкого уровня излучения и риск еще одного несчастного случая или террористического акта. Сторонники ядерной энергии по-прежнему разыгрывают аргумент «чистой» энергии, связанной с незначительными рисками и без выбросов углекислого газа, использование которой следует поощрять, особенно в свете проблемы изменения климата.

---

⁸⁰ См., RHG / PS 18/05.

⁸¹ См., RHG / PS 047/3.

⁸² *Прим. переводчика.* Черно-желтая коалиция - политическая коалиция между Христианско-демократическим союзом Германии / Христианско-социальным союзом Баварии и Свободной демократической партией Германии.

Посреди дискуссий и протестов против продления срока произошла в марте 2011 года катастрофа в Фукусима. Наконец, она привела к эпохальному повороту в немецкой атомной политике. Сначала реакция на политической сфере напоминала об образе действия после Чернобыля: На следующий день после землетрясения и тяжелых разрушений в Японии Федеральный канцлер Ангела Меркель поручила провести проверку состояния и работоспособности всех действующих немецких АЭС. Одновременно были взяты семь из семнадцати старейших немецких реакторов из сети электроснабжения, АЭС Крюммель при Гамбурге была отключена в 2009 году из-за неполадок. В мае 2011 года комиссия по безопасности реактора представил свой отчет. Никакое из проверенных устройств, согласно результату перепроверки, не вооружено против аварии больших самолётов. Тем не менее, комиссия не дала рекомендацию отключить АЭС. Федеральное правительство обсуждало затем различные варианты оборудования и переоборудования или же отключение единичных атомных электростанций. Обсуждения были сопровождаемы большим общественным интересом и многочисленными актами протеста.

Только через несколько месяцев после осуществленного продления срока АЭС, 30 июня 2011 года Бундестаг наконец-то решил окончательный отказ от атомной энергетики до 2022 года. Федеральный совет согласился этому решению 8 июля 2011 года. Реакторы, которые были взяты из сети электроснабжения и атомная электростанция Крюммель больше не сдадутся в эксплуатацию. Вместо этого Федеральное правительство распространяет теперь возобновляемую энергию – которое связано с протестами предпринимателей атомной электростанции. Из-за убытков они обдумывают жалобы против отказа от атомной энергетики.

Хотя Фукусима, в противоположности Чернобыля, не представляла непосредственную опасность для населения в Германии, аварии в технически развитой Японии, реакторы которой считались даже у критических экспертов надёжными, является началом до сих пор беспрецедентного процесса изменения.

6. Общественное движение в Германии в поддержку пострадавших в Чернобыле

«Чернобыль случился – это катастрофа и проблема. Но дело в том, что он свел Германию и Беларусь ближе» - говорит Ирина Наркевич из Минска, которая в течение многих лет приезжала в Германию как «чернобыльский ребенок». Позже она в качестве воспитателя сопровождала детские группы, сейчас работает переводчиком с немецкого языка в Минске. Ее оценка указывает на еще один аспект катастрофы, который подчеркивается теми, кого коснулась авария: Чернобыль имел не только разрушительные последствия. Авария стала переломным пунктом в деятельности международного гражданского движения.

Пусть не сразу после катастрофы, но с конца 80-х годов, когда это позволила Перестройка, мало-помалу начали возникать новые формы взаимодействия между странами, немыслимые во времена Холодной войны. Ощутимую помощь пострадавшим в результате аварии Германия начала оказывать после воссоединения в 1990-х годах.

Благодаря этому сотрудничеству понятие Чернобыль, помимо мрачного наполнения, также стало символом движения солидарности, выходящего за границы Европы, символом гражданской активности бесчисленных малых и больших групп. Энтузиасты во многих странах, которые прежде даже иногда не знали о существовании Белорусской Советской Социалистической Республики, были взволнованы судьбой живущих там людей, хотели поддержать их, чтобы хоть как-то облегчить выпавшие им страдания.

Чаще всего добровольцы, участники гражданских инициатив,⁸³ (далее ГИ) организовывали мероприятия по сбору различных видов пожертвований у себя на местах и отправляли бесчисленные грузовики с лекарствами, медицинским оборудованием, техникой, одеждой или игрушками в наиболее пострадавшие регионы. Вместе с организацией отдыха для «детей Чернобыля» в Германии это было видимой частью обширной деятельности немецких гражданских инициатив. Параллельно с организацией отдыха детей за рубежом в начале 90-х годов появились базы отдыха в «чистых» регионах Беларуси, например, оздоровительный центр, созданный немецко-белорусской организацией «Надежда» на Вилейском водохранилище недалеко от города Минска. Были открыты учебные курсы для фермеров, воспитателей и врачей, также немецкой стороной был профинансирован перевод на альтернативные схемы энергоснабжения ряда населенных пунктов в Белоруссии, куда переселили людей из зараженных регионов. Добровольцы с немецкой и белорусской сторон из организации „Heim-statt Tschernobyl“ (Дом - вместо Чернобыля) ежегодно строили оздоровительный центр из пятидесяти глинобитных домов в северной части Беларуси для отдыха семей с загрязненного юга страны. Кроме того, с 1991 года они установили две первые ветровые турбины в уже независимой Республике Беларусь.

Кроме того, участники немецких ГИ перевели и распространили медицинскую и специализированную литературу, например, для работы с инвалидами, волонтеры работали в детских домах для так называемых «чернобыльских детей» и т.д. В общей сложности, жители Германии – наряду с США, Италией и Японией – пожертвовали самую большую часть международной частной помощи для пострадавших людей.

Решающее влияние на виды деятельности, стиль общения и самосознание Чернобыльских ГИ оказали рост осведомленности об экологических проблемах и тревога по поводу экологических рисков, которые с 70-х годов получили

---

⁸³ *Прим. переводчика:* Инициатива гражданская — неформальное объединение граждан, которое создается для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Такого рода объединения отличаются друг от друга разной степенью организованности, устойчивости, успешности их длительности. .... Принято различать гражданские инициативы первого и второго «поколения»: первые ориентированы на решение конкретных проблем общества (напр., экологических), представляют собой временную коалицию локального уровня; вторые — более структурированы и долговременны, поскольку стремятся оказывать влияние на политические процессы регионального и сверхрегионального уровней. По мере развития гражданских инициатив происходит их политизация и они перерастают в политические партии. Такова судьба «зеленых», превратившихся в партии, которые уже представлены в парламентах (ФРГ, Франции, Дании и др.). В: Краснова О. Н. Инициатива гражданская. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

распространение в ФРГ, а позднее также стали заметны в ГДР. Помощь пострадавшим в стихийных бедствиях основана не только на впечатлениях от последствий катастроф, которые из-за чрезвычайной сложности невозможно охватить в полном объеме, но и на общем ощущении страха и тревожности и на возросшей чувствительности общества к экологическим вопросам. Важным побудительным мотивом для оказания помощи является необходимость выразить собственные страхи и тревоги. Еще одной основой для симпатии к жертвам аварии на Чернобыльской АЭС стало то особенное сопереживание и страх, которые испытывают люди по поводу «болезни цивилизации» – рака.

«Примирением с засученными рукавами» назвал журналист Йоханнес Восвинкел немецкие гражданские инициативы в Белоруссии. Он имел в виду проекты „Heim-statt Tschernobyl“ по строительству оздоровительного центра и установки ветряных турбин. Под это определение попадают и многие другие инициативы, в том числе евангелическая ГИ „Aktion Sühnezeichen Friedensdienste“, которая с 1992 года регулярно направляет в Беларусь добровольцев.

Сама возможность начала германских ГИ по нивелированию последствий чернобыльской катастрофы в Беларуси неразрывно связана с большей открытостью СССР на волне перестройки и переосмыслением преступлений, совершенных во времена нацизма на советской территории. Официальная советская статистика сообщает следующие цифры: во Второй мировой войне только в Белоруссии погибли более чем 2,2 миллиона человек, 209 белорусских городов и 9200 деревень были уничтожены фашистами. В 1988 и 1989 годах первые протестантские паломники из Западной Германии приехали в тогда еще существующую БССР с просьбой «о мире и примирении».⁸⁴

Большая часть немецких Чернобыльских ГИ брали свое начало в идее христианского примирения. Первые точки соприкосновения были найдены в до этого малоизвестной стране, где воспоминания об ужасах Второй мировой войны живы по сегодняшний день и нередко рассматриваются в одном ряду с памятью о Чернобыле. Первые немецкие волонтеры могли опереться на опыты в работе по примирению в Израиле,

---

⁸⁴ Так охарактеризовал это событие глава Евангелической церкви Гессена и Нассау (1993–2008) Петер Стейнакер: Peter Steinacker, „Die Autoren dieses Buches machen uns Mut...“, в: Fred Dorn (Hg.), *Lebendige Partnerschaften/Живое партнерство*, Minsk 2001, S. 22–25, hier S. 24.

Польше и Норвегии. Даже сегодня большая часть инициаторов, связанных с Чернобылем, организуют встречи с людьми, занятыми на принудительных работах во время Второй мировой войны.

Многочисленные мероприятия и инициативы смогли довести опасность использования атомной энергии до большей части немецкого населения. Бедствие, перешагнувшее границы государств, невольно способствовало распространению представления о Европе как едином географическом пространстве, в котором даже железный занавес не в силах удержать экологические опасности. Социальные сети, образовавшиеся в результате преодоления последствий Чернобыльской катастрофы, привели не только к транснациональным межличностным контактам, но и помогли всем вовлеченным сторонам справиться с этой новой ситуацией, вызывающей глубочайшую тревогу и опасения.

В то же время деятельности ГИ сопутствовал очень сложный процесс обучения и «притирания» для всех участвующих сторон. Культурные различия приводили ко взаимному недопониманию и злоупотреблениям. Некоторые добровольцы только по прошествии времени поняли, что одних благих намерений для помощи недостаточно. Это пришедшее понимание позволило создать партнерские отношения, которые изменялись в соответствии с потребностями нуждающихся, и требовавшие со стороны помогающих открытости и сопереживания. Такой подход позволял учитывать потребности обеих сторон и устранять проблемы, которые часто возникали непреднамеренно. Так, более тщательный отбор пожертвований позволял избегать возникновения чувства неполноценности и унижения у жертв аварии. Первоначально некоторые пожертвования оставляли впечатление, что были сделаны по принципу «на тебе боже, что нам негоже», они не отвечали стандартам безопасности и по сути должны были быть дешево утилизированы. Даже если поставляемые продовольствие и медикаменты с вышедшим сроком годности могли быть использованы без опасения, нередко они воспринимались как унижение. Хотя многие немецкие ГИ исходили из того, что такие пожертвования все же лучше, чем явная нужда в пострадавших странах, они не учитывали психологического состояния людей, нуждавшихся в определенном настрое, чтобы принять эти пожертвования.

Многие из ГИ в последние годы столкнулись с рядом внутренних и внешних проблем. Во-первых, оказалось трудно найти молодых людей на волонтерскую работу, во-

вторых, постоянно меняются и усложняются правила для въезда волонтеров и ввоза продуктов и вещей, собранных ГИ, особенно в Белоруссии.

6.1. «Дети Чернобыля»

Самая большая немецкая Чернобыльская ГИ - это «дети Чернобыля», цели этого движения нашли отражение в его названии. Беспрецедентным образом в начале 90-х в Германии было образовано более 1000 больших и малых организаций, помогавших жертвам Чернобыля и особенно так называемым «чернобыльским детям». Наряду с этим возник целый ряд ГИ с почти идентичными названиями и программами: „Kinder von Tschernobyl“ (Дети из Чернобыля), „Den Kindern von Tschernobyl“ (Дети из Чернобыля), „Tschernobylkinder“ (Чернобыльские дети), „Für die Kinder von Tschernobyl“ (Для детей из Чернобыля), „Tschernobyl – Kinder in Not“ (Чернобыль - дети в беде) и т.д.

Эти организации пригласили сотни тысяч детей из более или менее радиационно-загрязненных районов Украины, Беларуси и России, чтобы они в течение нескольких недель или месяцев могли отдохнуть в «безопасной» и «чистой» среде и воспользоваться медицинской помощью. Несмотря на то, что число приглашенных детей сейчас снижается, по-прежнему почти 10 тысяч белорусских детей ежегодно отдыхают в Германии. В своей заботе о детях из Чернобыля Германия уступает только Италии, где отдохнуло почти в три раза больше детей из радиационно-загрязненных районов Белоруссии.⁸⁵

Максимальную готовность жертвовать немцы проявляют в двух случаях: если речь идет о детях и о жертвах стихийных бедствий.⁸⁶ «Дети Чернобыля» воплотили в себе оба эти аспекта: дети и стихийные бедствия. Считается, что дети нуждаются в особой помощи как наиболее уязвимые и невинные члены общества. Они пробуждают инстинктивное желание защитить, одновременно они воодушевляют и вселяют чувства силы и веры в свои возможности. Пострадавшие взрослые люди вызывают менее сильные и разнообразные чувства. Образ «детей Чернобыля» колеблется между такими

---

⁸⁵ См., Astrid Sahn, Auf dem Weg in die transnationale Gesellschaft? Belarus und die internationale Tschernobyl-Hilfe, in: OSTEUROPA 56 (2006) 4, S. 105–166, hier S. 112.

⁸⁶ См., Gabriele Lingelbach, Spenden und Sammeln. Der westdeutsche Spendenmarkt bis in die 1980er Jahre, Göttingen 2009.

оптимистичными и жизнеутверждающими метафорами как «мост мира» и нигилистической, стигматизирующей риторикой, такой как «дети без будущего», «обреченные на смерть» или «поколение Чернобыля». Некоторые фотографии, создавая визуальный образ трагедии, перешли все допустимые границы, опустившись до «порнографии горя»,⁸⁷ когда обезображенные болезнями дети-инвалиды выставлялись на обозрение даже обнаженными, без убедительных на это оснований. Не исключено, что эти съемки можно оправдать медицинской необходимостью, но это не объясняет, почему эти фотографии публиковались в изданиях, не имеющих отношения к медицине. Скорее, такого рода образы использовались для привлечения внимания, с целью вызвать сострадание и заинтересовать потенциальных спонсоров. Тот факт, что чаще всего трудно или невозможно установить прямую причинно-следственную связь между конкретным заболеванием и Чернобылем, очевидно, не играл роли, более того наличие этой связи постоянно внушается с помощью таких фотографий.

Поездки детей в Германию и другие страны вызвали противоречивую реакцию. Доходило до столкновений между сторонниками и противниками детского отдыха. Тем не менее, даже сегодня, спустя 25 лет после катастрофы, организация этих спорных поездок за рубеж является наиболее распространенным видом деятельности немецких Чернобыльских ГИ. Наиболее частым аргументом против поездок детей за границу является «культурный шок». Критики отдыха за рубежом утверждают, что эти поездки, вырывающие в том числе маленьких детей из привычной обстановки, утомляют и ментально изматывают детей. В совершенно чужой среде - в основном даже без начального знания языка - эти четыре и более недель пребывания в чужой стране оказываются больше стрессом, чем отдыхом. Было бы гораздо лучше, если бы противники поездок за границу отправляли детей для оздоровления в собственные чистые регионы. Так они избавили бы детей от необходимости приспосабливаться к чужой культуре и образу жизни.

Оценки тех молодых людей, которые в детстве выезжали за границу, амбивалентны. Ныне 31-летний Александр из Могилева, который в 1991 году был одним из первых «чернобыльских детей» в Германии, вспоминает об этом: «Это был взрыв, шок, я испытывал только положительные эмоции, как будто оказался в другом мире (...). В то

---

⁸⁷ См., Manfred Liebel/ Andreas Wagner, Kolonialismus und Wohltätigkeit, in: Sozial Extra 10 (1986) 3, S. 16 – 31, hier S. 18.

время мне нравилось все, я хотел там остаться». Он также признает, что для маленьких детей было очень трудно понять, что в принимающей стране все не так просто. По возвращении у Александра начались большие проблемы в его семье, которая не могла уделить ему столько внимания и обеспечить таким комфортом, как принимающая семья в Германии. Он даже говорит о разрыве отношений со своими родителями, которые никогда не были полностью восстановлены.⁸⁸

Этот пример доказывает тезис о «культурном шоке». В то же время Александр и другие бывшие «дети Чернобыля» подчеркивают важность пребывания за рубежом для их личного развития. Причем о медицинских аспектах речь идет в меньшинстве случаев, скорее - об опыте жизни за границей. «Дети Чернобыля», по медицинским причинам или по ряду других возможных причин, часто были первыми в семье, кто выезжал за границу или просто покидал родные места. Эти поездки давали «побочные эффекты» в семьях. Поэтому некоторые родители из предосторожности отказывались от участия в них своих детей, опасаясь за отношения в семье. Если оставить в стороне «истории успеха», гораздо более сложным является проблема тех бывших «детей Чернобыля», которые чувствовали себя во время поездок «нехорошо» и позже не смогли ее оценить как положительный опыт в своей жизни. При этом, как правило, речь идет о «реальных» «детях Чернобыля» - детях из деревень крайне загрязненных регионов.

Несмотря на эти спорные аспекты, между принимающими семьями и семьями детей завязалось много дружеских связей. Это общение внесло свой вклад в создание у принимающей немецкой стороны собственной картины о ситуации в стране и семье «своих» детей, которую они могли улучшить посредством СМИ или гражданских инициатив.

Следуя классическому принципу помощи детям как инвестиции в будущее, некоторые движения пытались реализовать свои политические амбиции, питая надежды на демократизацию авторитарного режима в Белоруссии, они полагали, что опыт проживания в немецких семьях внесет свой вклад в демократизацию политической ситуации в Белоруссии. Существующие исследования не подтверждают эти надежды, по крайней мере, что касается прямой политической или гражданской активности. Также в отношении к ядерной энергии необходимо констатировать, что бывшие «дети

---

⁸⁸

Из архива автора.

Чернобыля» не придерживаются четких антиядерных настроений. Они гораздо больше верят в контролируемые и безопасные новые технологии, которые они, как правило, воспринимают как экологически чистые.

7. Реакция в Западной Европе

Разнообразие реакций в странах Западной Европы показало, что Европейское сообщество не было готово к подобному бедствию. Однозначных правил поведения в чрезвычайной ситуации не было, коммуникационная сеть в то время, когда электронная коммуникация находилась на начальной стадии, не была нацелена на бесперебойный и быстрый обмен данными в случае транснациональной катастрофы. Недостаточное оснащение измерительными станциями стран сообщества еще больше осложняло проблему создания общеевропейской картины происходящего. Все это четко продемонстрировало границы возможностей наднациональных институтов, у которых отсутствовали действующие нормативы и инструменты для их реализации.

Вместо того чтобы немедленно договориться об общем подходе к решению проблемы, участники Европейского сообщества принимали параллельные решения на национальном и на общеевропейском уровнях, которые часто исключали друг друга. Это положение вещей противоречило соглашениям государств-участников, принятым в 1957 году, когда параллельно с ЕЭС было основано Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Страны взяли на себя обязательства работать над развитием ядерной энергетики для улучшения благосостояния и уровня жизни в Западной Европе, также в контракте были прописаны меры по защите населения от радиоактивности. На момент Чернобыльской катастрофы допустимые нормы излучения по-прежнему были не более пяти миллизивертов. Несмотря на то, что Международная комиссия по радиологической защите (МКРЗ) еще в 1985 году утверждала, что эту дозу необходимо изменить в течение нескольких лет, рекомендациям МКРЗ последовали только через 10 лет после Чернобыля. В первые недели после аварии все эти детали не имели практической ценности, поскольку не было соглашения о том, как и из чего эти дозы складываются. Различные национальные организации и эксперты по-разному интерпретировали последствия влияния радиоактивности, в том числе на организм человека.

Действия Еврокомиссии в первые дни после известия о катастрофе должны рассматриваться в контексте балансирования между национальными и общеевропейскими интересами. Первая реакция на аварию была отсрочена по

практическим причинам: первая встреча представителей стран-участников Сообщества могла состояться только 5 мая, поскольку раньше, из-за выходных дней, всех просто не удалось собрать в Брюсселе. Через день были введены ограничения для йода-131: 500 беккерелей на литр молока и 350 беккерелей на килограмм овощей и фруктов. После этого Комиссия Европейского Сообщества ввела запрет на импорт говядины из стран Восточной Европы. Вскоре был установлен временный запрет на сельскохозяйственную продукцию из этих стран. По просьбе ФРГ, для ГДР было сделано исключение, а под давлением Италии в список стран, попавших под эмбарго, была внесена Югославия. Менее чем через месяц после взрыва комиссия назвала максимальные значения по цезию-137 и отменила запрет на импорт. Согласно принятым нормам, в продуктах питания могло быть не более 600 беккерелей цезия-137 на килограмм, в литре молока не более 370 беккерелей. Согласовать эти нормы было нелегко. Несмотря на то, что эксперты рекомендовали установить более жесткие нормы (100 Бк для молочных продуктов и 500 Бк для других продуктов питания), Еврокомиссия не могла противостоять давлению со стороны некоторых стран-участников. В частности, Франция, Греция и Великобритания выступали за гораздо более высокие допустимые дозы. В конце концов, Комиссия приняла компромиссные значения, отклонив соответственно самые низкие и максимально высокие требования.⁸⁹

Выпадение радиоактивных осадков непосредственно затронуло две основные области общеевропейской политики: социальное обеспечение, здравоохранение и европейскую торговлю. Если проанализировать мотивы и действия стран-участниц, становится очевиден приоритет торговых отношений, которые во что бы то ни стало пытались оградить от потрясений. Значительное снижение в международной торговле действительно было. Многие неевропейские страны установили крайне низкие, порой даже нереалистичные нулевые значения для импорта европейских товаров.

В последующие годы Европейское Сообщество и позднее Европейский Союз (ЕС) в сотрудничестве с международными организациями, такими как Международное агентство по атомной энергии, попытались конструктивно переработать неудачный опыт совместной борьбы с последствиями Чернобыльской катастрофы. При этом особое внимание было уделено двум аспектам: сбору данных измерений и установлению достоверных допустимых доз содержания радиоактивных изотопов. Была создана база данных для контроля уровня радиоактивности окружающей среды -

---

⁸⁹ Сравн., Liberatore, Management, S. 202–204.

„REM“ (Radioactivity Environmental Monitoring), в задачу которой входит измерение уровня радиоактивности в европейских странах, анализ этих данных и доведение результатов до Еврокомиссии. Тем не менее, право принимать решение о передаче данных остается за страной - членом ЕС, так что не всегда возможно составить всеобъемлющую картину.

Цель правовых и технических мер, принятых Еврокомиссией, - снижение риска новых несчастных случаев и установление порядка действия по защите населения в случае бедствий. По инициативе Комиссии состоялись международные форумы и научный обмен. Она профинансировала научно-исследовательские программы, совместные со странами СНГ, в которых приняли участие в общей сложности около 200 исследовательских групп. Результаты этих исследований были представлены в 1996 году в Минске, а затем в Вене. Также ЕС сотрудничает с ядерной промышленностью с целью повышения безопасности РБМК реакторов. Они внесли вклад в фонд строительства саркофага над разрушенным реактором и постройки измерительных станций. Это было сделано при помощи инвестиционных программ ТАСИС⁹⁰ и PHARE⁹¹. Также в этой сфере активное участие принимали неправительственные организации, вместе они реализовали много различных крупных и небольших программ помощи на местах.

В 1996 году Совет Европы принял окончательные директивы по основным стандартам безопасности: разрешенная доза облучения для персонала в ядерной промышленности была установлена до 100 миллизивертов в течение пяти лет, при этом в течение одного года она не должна превышать 50 мЗв. Для населения они назвали дозы в пределах одного мЗв в год, с уточнением, что эта доза может быть превышена в течение одного года, если за пятилетний срок средний показатель будет составлять один миллизиверт. В дополнение к общим стандартам безопасности Совет Европы принял Инструкции по чрезвычайным ситуациям.⁹²

---

⁹⁰ Прим. переводчика: ТАСИС (Тасис) - программа, разработанная Европейским Союзом «для укрепления потенциала стран СНГ в сфере сбора информации и наблюдения за состоянием окружающей среды». <http://www.eea.europa.eu/about-us/TACIS/index.html>.

⁹¹ Прим. переводчика: PHARE (сокращ. от англ., Polen und Ungarn: Hilfe zur Restrukturierung der Wirtschaft) один из трех инструментов ЕС для подготовки стран Центральной и Восточной Европы, желающих присоединиться к ЕС.

http://europa.eu/legislation_summaries/enlargement/2004_and_2007_enlargement/e50004_de.htm

⁹² См., Council Directive 96/29/Euratom, 15.5.1996, Online:

http://ec.europa.eu/energy/nuclear/radioprotection/doc/legislation/9629_en.pdf (22.2.2011).

После Чернобыля отношение к использованию ядерной энергии в ряде европейских стран изменилось коренным образом. При этом надо различать отношение стран, производящих собственную ядерную энергию, и стран, не имеющих АЭС. В странах, в которых большая часть электроэнергии производится на АЭС - Франции, Нидерландах, Бельгии и Великобритании, – с 1984 по 1986 мнение об использовании ядерной энергии изменилось лишь на 5 процентов. По сравнению с 1984 годом, доля тех, кто считает ядерную энергетику полезной, упала на 22 - 27 процентов. Исключение составили ФРГ и Италия. По данным опросов, в Федеративной Республике в 1986 году оказалось на 39 процентов меньше сторонников атомной энергии, чем в 1984 году. Еще более очевидно, что эта тенденция была в Италии, где по сравнению с 1984 годом поддержка ядерной энергетики сократилась на 64 процента.⁹³ Эти результаты прямо связаны с общественной дискуссией на политическом и социальном уровнях, начавшейся в этих странах после катастрофы.

Полярные настроения царили в Италии и Франции. В Италии действовали четыре атомные электростанции. В этой стране так же, как и в ФРГ, проходили дебаты о последствиях ядерной аварии. До аварии все итальянские политические партии поддерживали использование атомной энергии. После Чернобыля отношение некоторых партий изменилось: прежде всего, левые партии примкнули к уже существующему антиядерному движению. Уже в первые дни после сообщения об аварии экологические группы - участники антиядерного движения и партии Зеленых – провели демонстрации. Во вновь образованном союзе с левыми партиями они потребовали немедленной остановки старейшей АЭС в Латине и строгой проверки безопасности трех оставшихся атомных электростанций. Через две недели после аварии в Риме на демонстрацию протеста против дальнейшего использования ядерной энергии собрались от 150.000-200.000 человек. Это послужило началом крупнейшей дискуссии о судьбе ядерной программы Италии, которая в 1987 году привела к трем референдумам. Большинство населения Италии высказалось против использования ядерной энергии. Планы по расширению ядерного сектора были заморожены. В 1988 году был принят план по поэтапному отказу от ядерной энергетики, и до 1990 года все четыре атомные станции были остановлены.⁹⁴

---

⁹³ См., Nicholas Watts, „Deconstructing Chernobyl“. The meaning and legacy of Chernobyl for European citizens, in: Lutz Mez / Lars Gerhold/ Gerhard de Haan (Hrsg.), Atomkraft als Risiko. Analysen und Konsequenzen nach Tschernobyl, Frankfurt am Main u.a. 2010, S. 33–73, hier S. 44f.

⁹⁴ Ср., Liberatore, Management, S. 77–121.

Противодействие ядерной энергетике во Франции было гораздо слабее. Хотя и здесь существовало антиядерное движение, но даже после Чернобыля оно не смогло ни достичь успехов 70-х годов, ни увеличить свое влияние. Во Франции расположено большинство европейских реакторов, восемьдесят процентов своей электроэнергии страна получает на АЭС. Очевидно, что атомная отрасль может рассчитывать на поддержку влиятельных сторонников на политическом и экономическом уровнях. С конца 70-х годов во Франции начался настоящий бум строительства АЭС. Протекционизм атомной энергетике на политическом и экономическом уровнях и сильное влияние технократов сказались на реакции в стране на Чернобыльскую аварию. Чернобыль был представлен как внешнее событие, которое не несло никакой угрозы для населения Франции, хотя из всех регионов Западной Европы радиоактивные выбросы Чернобыльской АЭС более всего загрязнили именно эту страну. Вместо того, чтобы уже в первые недели начать открытые дебаты, французское правительство хранило в секрете данные измерений и другую информацию. Только 9 мая, то есть достаточно поздно по сравнению с другими странами Запада, было введено ограничение на импорт товаров из Восточной Европы. Франция установила самые мягкие в Европе границы содержания радиоактивных изотопов в молоке, определив их в 3700 беккерелей на литр. Запрет от 13 мая 1986 года на продажу эльзасского шпината, вместе с ограничением импорта и нормированием доз для пищи, были теми немногими превентивными мерами, которые французское правительство сочло необходимым.⁹⁵

Несмотря на то что все европейские страны после Чернобыля стремились подчеркнуть безопасность своих атомных электростанций, в 1991 году большинство респондентов во всех странах ЕС считало, что авария, подобная случившейся на Украине, может произойти на АЭС в их стране или в одной из соседних западноевропейских стран. Страх перед ядерной аварией и беспокойство из-за нерешенной проблемы ядерных отходов были очень сильны во всех странах Европы.⁹⁶

---

⁹⁵ См., Liberatore, Management, S. 159–196; Gabrielle Hecht, The radiance of France. Nuclear power and national identity after World War II, Cambridge u.a. 2009; Karena Kalmbach, Die französische Debatte um die Auswirkungen von „Tschernobyl“. Unver. Manuskript, Berlin 2009.

⁹⁶ См., Watts, „Deconstructing Chernobyl“, S. 53f.

8. Реакция на аварию в странах, входивших в состав Советского Союза

Подробная информация об аварии и ее масштабах стала доступна населению Советского Союза, в том числе жителям наиболее пострадавших республик, только через три года после аварии в результате первых свободных выборов в стране. Тем не менее, еще до Чернобыля и до Перестройки, в СССР существовало пространство, где проходили экологические дискуссии, и в некоторых случаях допускались мнения, ставящие под вопрос марксистско-ленинскую концепцию прогресса. В СССР также имели место, хотя менее выраженные и явно сформулированные страхи и опасения за экологическое благополучие окружающего мира.⁹⁷

В первые годы после Чернобыля открытой оппозиции против использования ядерной энергетики в Советском Союзе фактически не было. Тем не менее, жители загрязненных районов описывают этот первый год как шок. Они стали свидетелями действий центрального правительства, которое не было ни компетентным, ни внушающим доверие, как того хотелось. Официальные СМИ настойчиво утверждали, что советские реакторы «абсолютно безопасны». Несмотря на провозглашенную Михаилом Горбачевым политику открытости (Гласность) по ядерным вопросам, Коммунистическая партия продолжала контролировать средства массовой информации. Несколько статей, появившихся в советской прессе, говоря о причинах аварии, указывали только на человеческий фактор и ничего не сообщали о технологических неисправностях. Следуя этой логике, не было никаких оснований отказываться или сокращать ядерную программу. Планы по строительству атомной электростанции в БССР, как и строительство третьего реактора Игналинской АЭС в Литве, претворялись в жизнь. К концу 1987 года ситуация начала меняться, в литературных изданиях начали появляться первые статьи, ставящие под сомнение абсолютную безопасность ядерной энергии. Очень осторожно страх перед последствиями Чернобыля и новыми авариями начал артикулироваться. Фактическое обсуждение проблем началось только в 1988 году, в этом году была отменена военная цензура, которую проходили все материалы по ядерным вопросам до их публикации. После отмены цензуры редакторы были завалены критическими статьями, это были как

---

⁹⁷ См., Boris Z. Doktorov/ Boris M. Firsov/ Viatcheslav V. Safronov, *Ecological Consciousness in the USSR: Entering the 1990s*, in: Anna Vari/Pal Tamas (Hrsg.), *Environment and Democratic Transition. Policy and Politics in Central and Eastern Europe*, Dordrecht u. a. 1993, S. 249–267, hier S. 265.

добротные журналистские расследования, так и основанные на сомнительных источниках сенсации. В любом случае это способствовало осознанию проблемы гражданами.⁹⁸

Публикации деталей аварии и ее последствий вызвали первые акции протеста в наиболее пострадавших республиках. Первая крупная демонстрация, в которой приняли участие более 20.000 человек, прошла в сентябре 1989 года в Белоруссии, республике, наиболее пострадавшей от радиоактивных осадков. С этого момента «Чернобыльский марш» (первоначально «Похоронная процессия») стал обязательным событием на каждую годовщину катастрофы. Демонстранты требовали изменений в политике переселения из загрязненных районов и публикации программы переселения. Также они требовали призвать к ответу лиц, ответственных за политику сокрытия данных об аварии в течение трех лет. Как сформулировал писатель Адамович, виновные должны предстать перед «экологическим Нюрнбергом» (отсыл к Нюрнбергскому процессу над главными военными преступниками, проходившим в 1945-46 годах) и быть привлечены к юридической ответственности. Кроме того, демонстранты требовали демократизации системы, потому что только в этом случае возможна реальная работа над последствиями катастрофы, и пригрозили забастовкой. К этому моменту в ряде загрязненных мест, преимущественно в Гомельской области работы уже были прекращены. В период с июня 1989 по апрель 1991 рабочие и служащие вновь и вновь проводили забастовки, требуя более высоких компенсаций и статуса национальной зоны экологического бедствия для Гомельской области. В первую очередь, эти протесты были сосредоточены на социальных вопросах. Критика состояния окружающей среды или использования ядерной энергии играли в них лишь незначительную роль. Ни в одной из стран бывшего СССР не было создано постоянного антиядерного движения. Первые годы национальной независимости были охарактеризованы постепенным снижением первоначальной эйфории веры в гражданское общество. В условиях перехода от социалистической к рыночной системе связанные с этим экономические и социальные вопросы доминировали в общественном дискурсе.

Правительства шли на уступки в ядерной политике только в исключительных случаях, поскольку общественный интерес к вопросам ядерной безопасности в странах бывшего

---

⁹⁸ См., Jane I. Dawson, *Anti-Nuclear Activism in the USSR and Its Successor States: A Surrogate for Nationalism?*, in: *Environmental Politics* 4 (1995) 3, S. 440–466, S. 447f.

Советского Союза отсутствовал. Хотя Украина в начале 90-х ввела ядерный мораторий, уже в 1993 году он был прерван и принято решение о строительстве двух новых станций. Только правительство Литвы под руководством Альгирдаса Бразаускаса в 1988 году под массивным давлением со стороны населения решилось на закрытие атомной электростанции в Игналине. В то же время три Балтийских государства обсуждают возможность строительства нового реактора, чтобы избавиться от энергетической зависимости от России. Планы по строительству АЭС в Беларуси начали обсуждаться в начале 90-х. В недавнем времени строительство должно было начаться.

Авария реактора и ее последствия в целом оказали отрицательное влияние на темпы и формы экономического и социального развития бывших советских республик - Белоруссии, Украины и России, которые стали независимыми государствами в 1991 году. В большей или меньшей степени Чернобыль определил сферы экономических и социальных реформ в этих странах. Система социального обеспечения в СССР не была рассчитана на аварии подобного масштаба и оказалась не готова к случившемуся. Поддержка, необходимая сотням тысяч жертв катастрофы, была не по силам молодым республикам. Очистка, эвакуация и переселение забирало огромные суммы из государственных бюджетов трех наиболее пострадавших стран. Около 20 процентов от общего бюджета страны стоила Белоруссии ликвидация последствий аварии в первые годы. Общий объем расходов, связанных с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС, ООН оценивает в 646,5 миллионов долларов США.⁹⁹ Специально созданный фонд не располагал средствами, даже близкими к этой сумме. В декларации основателей Содружества Независимых Государств (СНГ), принятой в 1991, его учредители: Белоруссия, Украина и Россия - обязались координировать действия по ликвидации последствий катастрофы. Однако по ходу организации работ снова и снова возникали неясности в отношении обязанностей и компетенции сторон.

Начиная с середины 90-х годов, во всех трех странах наблюдается тенденция по заселению загрязненных территорий. Особенно ревностно стремится к этому Александр Лукашенко - Президент Белоруссии с 1994 года. Надежды организаций чернобыльцев на Украине, что правительство во главе с Виктором Ющенко остановит возвращение людей на загрязненные территории, не оправдались. Вскоре после вступления в должность президента, выдвинутого «оранжевой революцией», на

---

⁹⁹ Сравн., Sahm, Weg, S. 107.

загрязненные территории вернулись 300 человек. Между тем, тысячи людей из трех стран уже возвратились на загрязненные территории. В дополнение к этому туда же переселяются беженцы из Центральной и Средней Азии с территорий, прежде входивших в Советский Союз. Риск подвергнуться воздействию радиации пугает их менее, чем опасность преследований в своих странах. Чеченские беженцы тоже нашли приют на эвакуированных территориях.

В качестве замены эвакуированного города Припять уже в 1988 году, в пятидесяти километрах к востоку от электростанции, построили совершенно новый город Славутич, число жителей в котором за восемь лет достигло 25 тысяч человек. Город соединен прямой железнодорожной веткой с АЭС, где по-прежнему работает большинство населения. В Интернете виртуальная Припять продолжает свое существование. Бывшие жители создали сайт, где они могут поделиться воспоминаниями, фотографиями и информацией.¹⁰⁰

8.1. Авария на реакторе как война - воспоминания о Чернобыле

Воспоминания об аварии в Белоруссии, России и на Украине включают в себя множество различных аспектов: смирение, разочарование и вытеснение, и вместе с тем личные инициативы или инициативы граждан, поддержанные западными организациями, и «политику памяти».¹⁰¹ Эта отсылка к болезненной истории 20-го века особенно распространена в Беларуси. Столь же разрушительной, как Чернобыль, по словам Лукашенко, для Белоруссии были немецкая оккупация и распад Советского Союза. Во время выступления на Дне памяти по случаю 20-летия со дня аварии он сказал: «Судьба нашего поколения - в очередной раз преодолеть брошенный вызов. Я говорю не о Чернобыле. (...) Я говорю не о технической катастрофе, в которой часто виноват случай, а о геополитической, о разрушении Советского Союза».

«Золотой век» Советского Союза стал точкой отсчета в белорусской политике, и в последние пятнадцать лет приобретает все большее значение. Типичный для советского периода образ героя получил широкое распространение. Беларусь по-прежнему в

---

¹⁰⁰ См., <http://pripyat.com/de>.

¹⁰¹ См., Astrid Sahn, „Und der dritte Weltkrieg heißt Tschernobyl...“, in: Dorn/ Jekel/Ignatowitsch (Hrsg.), *Erinnerungen*, S. 202-227; Melanie Arndt, *Von der Todeszone zum Strahlen-Mekka? Die Erinnerung an die Katastrophe von Tschernobyl in Belarus, der Ukraine und Russland*, in: *Zeitgeschichte-online*, April 2006, http://www.zeitgeschichteonline.de/zol/portal/_rainbow/documents/pdf/arndt_tschernobyl.pdf.

большей степени земля героев, чем Украина и Россия. Почитание партизан, оказавших сопротивление немецким оккупантам, не ослабевает. В списке героев свое место заняли ликвидаторы - те солдаты, рабочие и ученые, кто «добровольно», не имея защитной одежды, первыми взялись за устранение последствий катастрофы. В Белоруссии эти люди имеют особый статус, сравнимый со статусом ветеранов Второй мировой войны. Хотя в последние годы некоторые льготы для ликвидаторов были отменены, все равно в Белоруссии они находятся в более привилегированном положении, чем на Украине и в России. Это привело к дебатам о несправедливости и зависти между различными национальными ассоциациями ликвидаторов, которые сформировались с начала 90-х годов.

Новых героев не просто сравнивают с участниками Великой Отечественной войны. Население и руководство страны воспринимают Чернобыль как войну. Это война против нового врага - радиации. Лукашенко считает этого врага можно победить, как победили гитлеровскую армию. Для населения, особенно пожилых людей, это скорее воскрешение памяти о травмирующих событиях Второй мировой войны. В последнее время официальный дискурс в Беларуси приблизился к дискурсу, уже в течение некоторого времени опробованному на Украине. Дискурсу, в котором страдание народа выходит на первый план, жертвы аварии реактора интегрированы в это восприятие.

Усилились исторические параллели в воспоминаниях о катастрофе в России и на Украине. Первые демонстранты конца 80-х начала 90-х годов на Украине и странах Балтии обвиняли руководство Советского Союза в «геноциде» против национального населения. До сегодняшнего дня это обвинение имеет хождение в националистических кругах Украины. Главным обвинением является - «голодомор», голод на Украине в 1933 году, жертвами которого стали несколько миллионов человек.

Отсыл к войне делают и сами ликвидаторы, но точкой отсчета не всегда служит Вторая мировая война. Члены Ассоциации украинских ликвидаторов называют себя «афганцами Чернобыля», проводя параллель с болезненным опытом солдат, воевавших в Афганистане. Во внешних проявлениях почитание ликвидаторов почти не отличается от выказывания уважения ветеранам мировой войны. В память о героизме ликвидаторов в разных частях пострадавших стран установлены памятники. В дополнение к памятникам и мемориалам в Киеве открыт «Музей Чернобыля», рассказывающий об истории катастрофы.

8.2. Чернобыльцы

Для сотен тысяч людей, которые были эвакуированы, переселены или переехали по своей инициативе из наиболее загрязненных районов, месяцы и годы после аварии стали периодом невольных начинаний в жизни. Прежде всего, авария затронула сельские регионы, несмотря на то, что у многих людей в результате эвакуации условия жизни улучшились (они были переселены в сравнительно современные дома), многим из них, особенно пожилым людям, было трудно приспособиться к новому образу жизни. Жизнь в незнакомой обстановке стала серьезным испытанием, ведь большинство из них никогда надолго не покидало родную деревню. Для этих людей было особенно трудно адаптироваться в городской среде, они с трудом привыкали к новому образу и ритму жизни. Не имея возможности реально ощутить воздействие радиации, люди чувствовали себя без необходимости оторванными от привычной жизни и стремились приблизить возвращение домой - на загрязненные территории. Хотя возвращение, особенно в 30-километровую зону отчуждения, по-прежнему запрещено, ответственные правительственные органы относятся к этому терпимо. В настоящее время сильно загрязненные районы оцеплены военными. Посетителям, в том числе бывшим жителям, требуется специальное разрешение для въезда в эту область. Основная задача оцепления - предотвратить вывоз излучающих предметов и строительных материалов из «зоны»; по свидетельству очевидцев, оцепление не справляется с этой задачей и вывоз материалов имеет значительные масштабы.

Сначала люди, пострадавшие от аварии, получили ряд льгот. Им выплатили денежную компенсацию, кроме того, правительство предоставило им привилегированный доступ в университеты и другие учебные заведения. Дети из зараженных районов имели право на бесплатный отдых. Эти льготы вызывали зависть у части населения, не имевшего статус чернобыльцев. Чувство обиды усугубили зарубежные поездки «чернобыльских детей». Большинство правительственных льгот в настоящее время отменено.

Очень часто эвакуированные и переселенные люди сталкивались на новом месте жизни с предрассудками и страхом. Их стигматизировали как чернобыльцев, которые могут «заразить» других своей радиоактивностью. Это особенно коснулось молодого поколения. Например, им, оказалось, очень трудно найти партнеров и создать семью, поскольку «не - чернобыльцы» боялись возможных генетических повреждений.

Денежной компенсации, которую получатели с горькой иронией прозвали «гробовыми деньгами», не хватало ни на новый дом в чистом районе, ни на полный переход на питание чистыми пищевыми продуктами, которые в загрязненных регионах были зачастую просто не доступны. В наиболее пострадавших районах сначала продукты питания раздавали бесплатно. Однако многие из жителей - добровольно или потому, что не имели выбора – снова начали самостоятельно производить продукты питания. Помимо урожая из собственных садов и огородов, люди вернулись к сбору грибов и ягод, которые традиционно составляют большую долю рациона сельского населения. Предупреждения не пугают большинство людей: они употребляют в пищу самостоятельно выращенные и собранные в лесу продукты, тем самым подвергая свое здоровье дополнительным рискам.

Особенно явно психологические последствия аварии видны в самых загрязненных районах. Такие проблемы как алкоголизм, безработица и клеймо чернобыльца лишают жизнь многих пострадавших перспективы. Среди них широко распространены разочарование, недоверие и страх. Все это нередко приводит к фатализму, обращению к религии и рождению мифов. Ярким примером является икона «Чернобыльский Спас». Икона была освящена в 2003 году, в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры. По инициативе Союза «Чернобыльцы Украины» и при поддержке митрополита Владимира¹⁰² был написан точный список этой иконы и в 2004 году передан в Храм Христа Спасителя в Москве. В верхней части иконы изображены Иисус, Мария и архангел Михаил, в нижней части в свете Чернобыльской АЭС - обугленный крестообразный скелет дерева. Согласно мифу, эта сосна - единственное дерево, которое выстояло после взрыва на реакторе, поскольку во время немецкой оккупации Украины фашисты повесили на нем партизана. Слева от дерева изображены души умерших ликвидаторов, рядом с ними - их выжившие коллеги. Особенность этой иконы состоит не только в интеграции различных мифов и воспоминаний, но и в том, что на ней в первый раз на православной иконе обычные люди изображены вместе с обитателями небес. Копиями иконы были награждены участники немецкой Чернобыльской гражданской инициативы.

---

¹⁰² *Прим. переводчика.* Митрополит Владимир – Предстоятель (глава) Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

9. Заключение

Слоган «Чернобыль - везде» оказался точным во многих отношениях. И речь идет не только о радиоактивных осадках, которые выпали далеко за пределами границ Советского Союза и по сей день фиксируются приборами. Чернобыль стал пиком дискуссии об использовании атомной энергии в Европе и за ее пределами. Он заставил население и руководство многих стран задуматься о безопасности собственных атомных электростанций и пересмотреть существующие ядерные программы. Это переосмысление не сопровождалось массовым отказом использования ядерной энергии, но привлекло к нему и связанным с ним рискам внимание на социально-политическом уровне.

Авария на реакторе не только обозначила пределы технического прогресса, но и границы возможностей государственной власти, призванной обеспечивать безопасность граждан, в том числе и от последствий техногенных катастроф. Чернобыль изменил предыдущие концепции развития науки, технологии и гражданства общества. Катастрофа форсировала крах Советского Союза, который утверждал, что по отношению к человеку перенял те функции, которые прежде выполняла семья. Чернобыль поставил под сомнение авторитет научной экспертизы, риторику о техническом прогрессе и веру в неограниченное господство человека над природой не только в рамках социалистической системы. Чернобыль способствовал тому, что многие люди, ранее не интересовавшиеся дебатами о ядерной энергии, начали активно вмешиваться в политику, участвуя в экологических движениях и высказывая свою гражданскую позицию.

Хотя дискуссия об опасности ядерной энергетики началась в ФРГ задолго до катастрофы на советской атомной электростанции, с 26 апреля 1986 года до сих пор гипотетическая возможность «максимально возможной аварии» стала реальностью и превратила «остаточный риск» в повседневную серьезную угрозу. Позитивный настрой в оценке предсказуемых рисков сменился тревогами по поводу безопасности. Широкое распространение имеет точка зрения, согласно которой последствия катастрофы и радиационного загрязнения будут создавать угрозу здоровью и качеству жизни людей как в ближайшем, так и отдаленном будущем, хотя никаких конкретных данных об

этих последствиях просто нет. Эта неопределенность приводит к чувству бессилия и страха, отчего реакция части людей в первые дни после аварии была явно гипертрофирована, в то время другая часть предпочла не замечать реальные угрозы. Влияние Чернобыля на важные политические и социальные события не уменьшается. Различные формы гражданской активности, вызванные катастрофой, – в том числе в пострадавших странах, – подтверждают это.

Сокращения

BStU - Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik

IAEA – Internationale Atomenergie-Organisation

MfS - Ministerium für Staatssicherheit der DDR

PHARE - Polen und Ungarn: Hilfe zur Restrukturierung der Wirtschaft

RHG - Robert-Havemann-Gesellschaft e.V.

THTR - Thorium-Hoch-Temperatur-Reaktor

TORCH - The Other Report on Chernobyl

UNDP – Entwicklungsprogramm der Vereinte Nationen

WHO – Weltgesundheitsorganisation

ZAIG - Zentrale Auswertungs- und Informationsgruppe im MfS

АЭС – Атомная электростанция

Бк – беккерель

БССР - Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения

ГДР – Германская Демократическая республика

ГУРЗ - Государственное управление по ядерной безопасности и радиационной защиты

ГДР

Евроатом - Европейское сообщество по атомной энергии

ЕС - Европейский Союз

МАГАТЭ - Международное агентство по атомной энергии

МлЗв – миллизиверт

ООН – Организация Объединенных наций

СвДП - Свободная демократическая партия Германии

СДПГ - Социал-демократическая партия Германии

СЕПГ - Социалистическая единая партия Германии

СНГ - Содружество Независимых Государств

США – Соединенные Штаты Америки

СЭВ - Совет Экономической Взаимопомощи

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ХДС - Христианско-демократический союз Германии

ХСС - Христианско-социальный союз Баварии

ЦК – Центральный комитет (Коммунистической партии)
Штази - Министерство государственной безопасности ГДР

Использованные источники и периодические издания

Berliner Zeitung

Bravo

BStU

Das Parlament

Der Spiegel

Dortmunder Bekanntmachungen

Düsseldorfer Amtsblätter

Frankfurter Neue Presse (FNP)

Frankfurter Rundschau

Junge Welt

Münchener Merkur (MM)

Neues Deutschland (ND)

Robert-Havemann-Gesellschaft (RHG)

Избранная библиография

Werner Abelshauser, Die langen 50er Jahre. Wirtschaft und Gesellschaft in der Bundesrepublik Deutschland 1949–1966, Düsseldorf 1987.

Melanie Arndt/Margarethe Steinhausen (Hrsg.), „Wir mussten völlig neu anfangen“. Zeitzeugen der Reaktorkatastrophe von Tschernobyl berichten, Bielefeld 2011.

Melanie Arndt, Verunsicherung vor und nach der Katastrophe. Von der Anti-AKW-Bewegung zum Engagement für die „Tschernobyl-Kinder“, in: Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History, Online-Ausgabe, 7 (2010) 2, <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Arndt-2-2010>.

Dies., Von der Todeszone zum Strahlen-Mekka? Die Erinnerung an die Katastrophe von Tschernobyl in Belarus, der Ukraine und Russland, in: Zeitgeschichte-online, April 2006, http://www.zeitgeschichte-online.de/zol/portal/_rainbow/documents/pdf/arndt_tschernobyl.pdf.

Jochen Aulbach, Der Sarkophag. Schrotthülle oder Millionengrab?, in: OSTEUROPA 56 (2006) 4, S. 131–138.

Hermann Behrens, Umweltbewegung, in: Institut für Umweltgeschichte und Regionalentwicklung e.V. (Hrsg.), Umweltschutz in der DDR. Analysen und Zeitzeugenberichte– Band 3: Beruflicher, ehrenamtlicher und freiwilliger Umweltschutz, München 2007, S. 131–148.

Franz-Josef Brüggemeier, Tschernobyl, 26. April 1986 – die ökologische Herausforderung, München 1998.

Jane I. Dawson, Anti-Nuclear Activism in the USSR and Its Successor States: A Surrogate for Nationalism?, in: Environmental Politics 4 (1995) 3, S. 440–466.

Boris Z. Doktorov/ Boris M. Firsov/ Viatcheslav V. Safronov, Ecological Consciousness in the USSR: Entering the 1990s, in: Anna Vari/ Pal Tamas (Hrsg.), Environment and Democratic Transition. Policy and Politics in Central and Eastern Europe, Dordrecht u.a. 1993, S. 249–267.

F. Dorn/ L. Jekel/ V. Ignatowitsch (Hrsg.), Erinnerungen gegen den Krieg/ Не убить человека, Minsk 1995. Ders. (Hrsg.), Lebendige Partnerschaften/ Живое партнерство, Minsk 2001, S. 22–25.

Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Sachsen-Anhalt, Tschernobyl und die DDR: Fakten und Verschleierungen– Auswirkungen bis heute?, Magdeburg 2003.

Ian Fairlie/ David Summer, The Other Report on Chernobyl (TORCH), Berlin u.a. 2006.

Klaus Gestwa, Ökologischer Notstand und sozialer Protest. Ein umwelthistorischer Blick auf die Reformunfähigkeit und den Zerfall der Sowjetunion, in: Archiv für Sozialgeschichte, 43 (2003), S. 349–383.

Gabrielle Hecht, *The radiance of France. Nuclear Power and national identity after World War II*, Cambridge u.a. 2009.

Leo Hennen/ Hans Peter Peters, „Tschernobyl“ in der öffentlichen Meinung der Bundesrepublik Deutschland – Risikowahrnehmung, politische Einstellungen und Informationsbewertung, Forschungszentrum Jülich 1990.

IAEA/ WHO/ UNDP, *Chernobyl: True Scale of the Accident*, September 2005.

Institut für Umweltgeschichte und Regionalentwicklung e.V. (Hrsg.), *Umweltschutz in der DDR. Analysen und Zeitzeugenberichte – 3 Bände*, München 2007.

Paul R. Josephson, *Red Atom. Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*, Pittsburgh 2000.

Ders., *Atomic-Powered Communism. Nuclear Culture in the Postwar USSR*, in: *Slavic Review*, 55 (1996) 2, S. 297–324.

Karena Kalmbach, *Die französische Debatte um die Auswirkungen von „Tschernobyl“*. Unver. Manuskript, Berlin 2009.

Hans Lenk, *Übergröße der Verantwortung? Vor und nach Tschernobyl*, in: *Ethica* 4 (1996) 4, S. 363–376.

Angela Liberatore, *The Management of Uncertainty. Learning from Chernobyl*, Amsterdam 1999.

Gabriele Lingelbach, *Spenden und Sammeln. Der westdeutsche Spendenmarkt bis in die 1980er Jahre*, Göttingen 2009.

Ehrhart Neubert, *Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989*, Bonn 1997.

Dorothee de Nève, *Die Atomkatastrophe von Tschernobyl: Reaktionen in der DDR*, Berlin 1995.

Sebastian Pflugbeil, *Tschernobyl und die DDR – zwischen staatlicher Leugnung und Bürgerbewegung*, in: Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Sachsen-Anhalt, *Tschernobyl und die DDR: Fakten und Verschleierungen– Auswirkungen bis heute?*, Magdeburg 2003, S. 24–35.

Ders., *Alle Folgen liquidiert? Die gesundheitlichen Auswirkungen von Tschernobyl*, in: *OSTEUROPA* 56 (1996) 4, S. 81–103.

Joachim Radkau, *Aufstieg und Krise der deutschen Atomwirtschaft 1945–1975, Verdrängte Alternativen in der Kerntechnik und der Ursprung der nuklearen Kontroverse*, Hamburg 1983.

SAAS, *Results of Radiation Monitoring in the German democratic republic*, in: *Isotopenpraxis* 24 (1988) 1, S. 33–38.

Astrid Sahn, Auf dem Weg in die transnationale Gesellschaft? Belarus und die internationale Tschernobyl-Hilfe, in: OSTEUROPA 56 (2006) 4, S. 105–166.

Dies., „Und der dritte Weltkrieg heißt Tschernobyl...“, in: Dorn/ Jekel/Ignatowitsch (Hrsg.), Erinnerungen, S. 202–227.

Dies., Transformation im Schatten von Tschernobyl. Umwelt und Energiepolitik im gesellschaftlichen Wandel von Belarus und Ukraine, Münster 1999.

Dies., Die weißrussische Nationalbewegung nach der Katastrophe von Tschernobyl. 1986–1991, Münster 1994.

United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), Chernobyl. A Continuing Catastrophe, New York/ Geneva 2000.

Nicholas Watts, „Deconstructing Chernobyl“. The meaning and legacy of Chernobyl for European citizens, in: Lutz Mez/ Lars Gerhold/ Gerhard de Haan (Hrsg.) Atomkraft als Risiko. Analysen und Konsequenzen nach Tschernobyl, Frankfurt am Main u.a. 2010, S. 33–73.